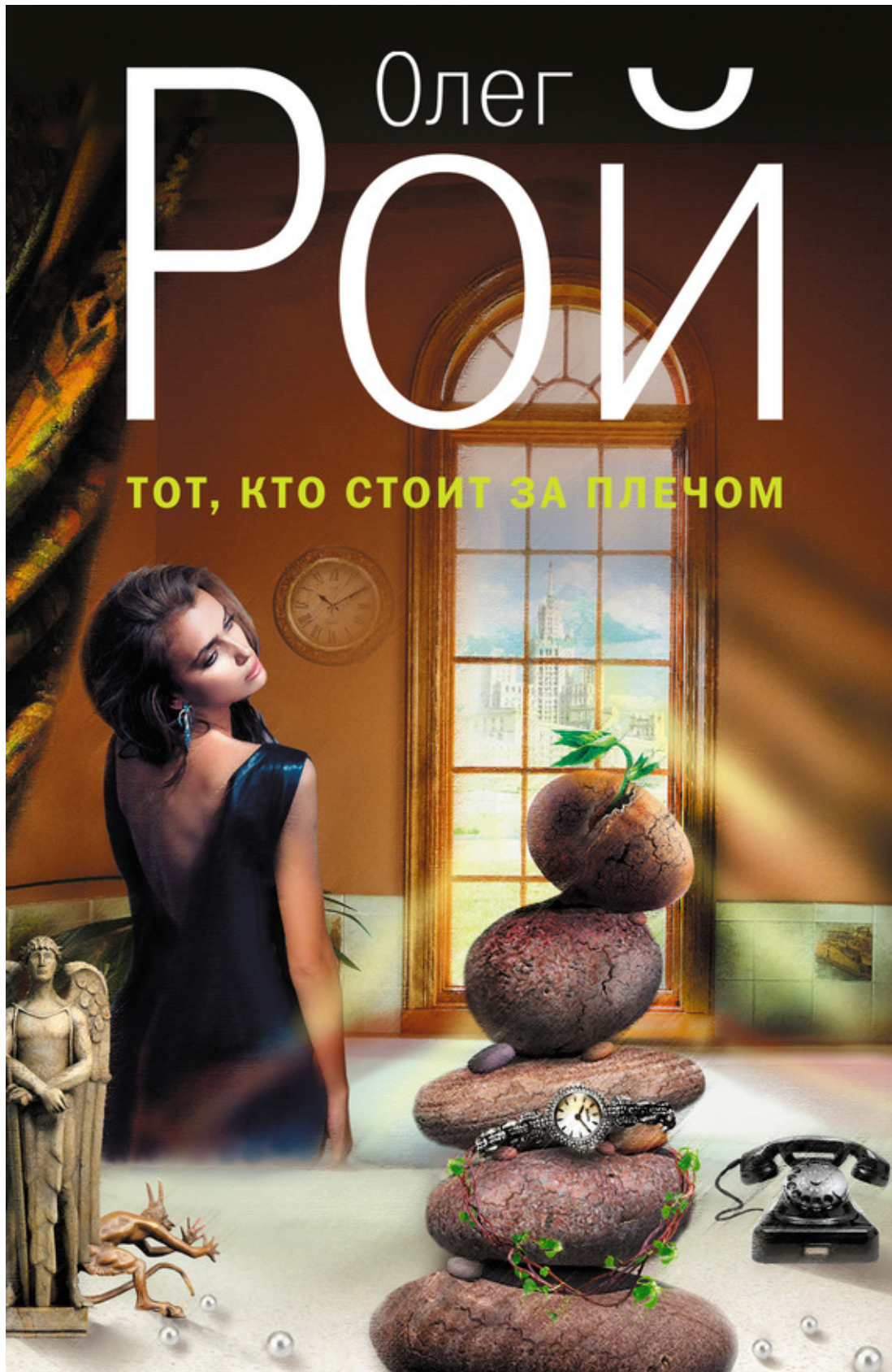

Олег РОИ

ТОТ, КТО СТОИТ ЗА ПЛЕЧОМ

Олег Юрьевич Рой

Тот, кто стоит за плечом

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809926
Рой О. Тот, кто стоит за плечом: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64295-3*

Аннотация

Идя на поводу своих желаний, человек не задумывается о последствиях. С этим в полной мере приходится столкнуться Николаю, тихо спивающемуся из-за ощущения собственной вины в гибели друга; его жене Ольге, глубоко закопавшей свой талант ради житейских, насущных нужд; и Сашке, их сыну. Саша, обычный подросток, ученик элитной школы, постоянно встает в ситуацию нравственного выбора. И однажды он оборачивается дилеммой: жизнь или смерть.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	11
3	15
4	22
5	29
6	32
7	37
8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Рой

Тот, кто стоит за плечом

Часть первая Знамение

1

Брошена. Короткое глупое слово. Можно тысячу раз читать об этом в книгах, тысячу раз думать, что не найти сюжета банальней. Это так... Но лишь до тех пор, пока не бросят тебя. А тогда можно до бесконечности говорить о банальности тусклому зеркалу, откуда бессмысленно глядят на тебя пустые погасшие глаза.

Смотреть на свое осунувшееся лицо Ольга не могла. В зеркале не она! Там незнакомая усталая женщина ощутимо под сороковник, на лбу у которой написано: «Бедность. Безнадежность. Брошенность».

Она уже и не помнила, когда впервые увидела в зеркале эту незнакомку, почему не запаниковала, почему вдруг приняла ее полностью, позволив заменить себя настоящую. Может быть, когда пыталась склеить уже разваливающиеся отношения, прибегала с работы и принималась готовить – борщ, картошка, котлеты, – а потом заглядывать мужу в глаза, надеясь утешить того, кто в утешениях не нуждался... Или как раз в то время, когда у Сашки начались проблемы в школе и нельзя было упускать сына из вида... Должно быть, тогда эта незнакомка и пришла, не спрашивая разрешения, и заняла ее, Ольгино, место.

И теперь...

– Нет, это не я! Не я! – простонала, проскулила Ольга, закрывая зеркало рукой с давно облупившимся дешевым лаком на ногтях. Хотелось выть, биться головой о кафельную плитку, делать хоть что-нибудь – лишь бы разорвать этот замкнутый круг и выйти из зазеркалья. Она закусил губу и едва слышно застонала.

Что она сделала со своей жизнью?! Зачем?..

В висках молоточками стучал пульс – свидетельство поднимающегося давления. На негнущихся ногах Ольга вышла из ванной так, словно ступала по самому краю пропасти. А в общем, это и есть самый что ни на есть край пропасти. Дальше уже некуда. Обрыв.

На кухне она зачем-то перетерла и без того чистые тарелки, тщательно повозила тряпкой по столу и вдруг поймала себя на том, что уже какое-то время стоит перед часами, совершенно не видя циферблата. «Надо взять себя в руки», – пробормотала Ольга. Она потеряла виски, и взгляд несколько прояснился. Уже отчетливее стали видны простенькие часы в пластмассовом желтом корпусе, купленные еще в первый год супружеской жизни, – и снова ненужное напоминание. Сколько их, коварных свидетелей, еще таится в квартире, ожидая своего часа! Тем временем короткая стрелка приблизилась к четырем: скоро должен вернуться сын. Надо бы собраться перед его приходом. Бедный мальчик, на его плечи и так легла непомерная тяжесть, не нужно, чтобы он видел мать в таком состоянии.

Ольга включила чайник, заварила зеленый чай.

В квартире было тихо, как на кладбище, но тут тишину разорвал телефонный звонок, показавшийся ей сигналом новой беды. Она вздрогнула – не ждала хороших вестей. Телефон представился затаившимся в засаде хищником, готовым броситься на свою жертву. Ольга

стояла над ним, не решаясь поднять трубку, но он звонил и звонил, отдаваясь в голове монотонной тихой болью.

– Да?.. – Оля наконец подняла трубку – лишь бы прервать бесконечно длящуюся пытку.

Треск помех, и вдруг – далекий, словно пыльный голос, даже сразу не поймешь, мужской или женский:

– Тебя бросили, ведь так?..

Ольга почувствовала, как похолодели непослушные пальцы, едва удерживающие трубку. В какой-то момент ей показалось, что эта трубка превратилась в ядовитую змею.

– Ты неудачница, понимаешь? – В голосе на том конце провода звучала явная насмешка. – Но у тебя еще есть шанс. Соглашайся на мое предложение...

Злость, кольнувшая в сердце, позволила Ольге наконец очнуться.

– Кто это говорит? Я сейчас вызову милицию! Хватит надо мной издеваться! – закричала она, захлебываясь собственным криком.

Тишина – и гудки. Короткие, тоже, несомненно, насмешливые.

Как ни странно, Ольге полегчало. Возможно, потому, что с криком из тела выплеснулась и часть боли.

Бросив трубку, она прошла в комнату, где на полке, за томиками дешевого издания «Сентиментальной библиотеки», купленной во время перестройки, когда хватали все выброшенные на прилавок книги, лежал неподписанный конверт.

Ольга вынула его из почтового ящика месяц назад и сама не знала, зачем сохранила. Внутри скрывалось короткое, распечатанное на принтере послание. Скорее записка.

Она села на диван и разложила листок на коленях.

«Твой муж – пьяница и неудачник, – сообщало письмо, – но тебе повезло: тебя заметил и выбрал один очень перспективный мужчина. У тебя есть возможность изменить свою судьбу. Если ты согласна, позвони по номеру...»

Когда она получила это послание, первым чувством было негодование, а вторым, постыдным, скупая радость: надо же, оказывается, она еще способна нравиться... «Вот позвоню, и пусть Коля помучается!» – подумалось ей тогда. Звонить она не стала, но записку не выбросила, а прямо в конверте сунула за книги и забыла о ней – не до того было...

Тогда между ними с Колей встала ледяная стена. Ольга старалась пробиться сквозь нее, но чем сильнее обдирала пальцы об лед, тем толще он становился. Она еще любила Николая, еще помнила, каким он был до того, как все это случилось. И в сердце вопреки разуму еще жила надежда, что можно докричаться, сказать ему, что он не один... Но муж не слышал и уходил все дальше и дальше. И наконец, четыре дня назад, почти накануне первого сентября, ушел насовсем.

Она и сейчас видела этот вечер как наяву.

Вот они с только что вернувшимся из поездки, загорелым и возмужавшим Сашкой сидят на кухне. Грохот входной двери похож на выстрел. Почему-то Ольга в тот миг сразу подумала: случится что-то плохое. Предчувствие кольнуло отравленной иглой. В тесном пространстве крохотного коридора фигура мужа казалась особенно массивной. Он был вопреки обыкновению трезв.

– Я ухожу, – сказал Николай, не тратя время на долгое вступление.

– У тебя встреча? – спросила жалко зачем-то она, хотя все уже поняла.

– Я ухожу совсем. Не могу больше.

Ольга беспомощно оглянулась на сына. Сашка замер, так и не донеся стакан с кефиром до рта.

«Это конец, – подумала она. – Но почему? За что?» Вместо этого спросила только:

– И куда же ты?

– Поживу пока у приятеля. У него однушка свободная образовалась, – бросил Николай и, так и не взглянув на жену, отправился в комнату собирать вещи.

Ольга стояла, прислонившись к стене коридора. Смотрела на грязные потертые обои. «Надо бы сделать ремонт», – мелькнуло в голове, и сама удивилась, о каких пустяках думает. Неужели ничего уже не вернуть? Ни то бьющее в глаза солнце, ни долгую прогулку по ночной Москве, ни счастливую улыбку Коли и его – такую сильную, такую надежную – руку у нее на плече?.. Все прошло без следа – замели метели, смыли дожди, сожгло солнце... Год за годом. Не осталось ничего.

– Пап, ты что, спятил? Совсем спятил от своей водки, да?! – набросился на отца Саша.

Но Ольга знала – дело вовсе не в водке. Дело в другом. И сначала было то, другое, а водка – уже потом.

В душном воздухе повисло отчуждение. Оно пропитало всю квартиру, заполняя собой все пустые пространства, заползая в душу, стирая из нее все. Даже воспоминания.

– Отстань! – рыкнул Николай, отталкивая сына.

Сашка вскинулся. Еще чуть-чуть – и пойдет на отца с кулаками.

– Не надо, Сашенька! – Она обхватила сына руками, словно желая защитить его от всего мира, от жестокого взрослого мира, в котором мальчику теперь придется жить.

А потом Коля ушел. Не сказав больше ни единого слова.

И пришла пустота.

Со стороны входной двери послышался шорох поворачиваемого в замке ключа, отвлекая ее от ненужных воспоминаний. Сашка! Пришел уже!

Оля вскочила и быстро, словно ее застали за чем-то постыдным, сунула неподписанное письмо обратно в безликий конверт, а конверт на полку, за книги. Не нужно лишний раз волновать сына.

Он вошел в комнату – высокий, еще по-подростковому нескладный, но уже формирующийся в настоящего мужчину. Только сегодня Ольга с жалостью заметила, что рукава свитера стали Сашке слишком коротки и оттуда несуразно торчат худые загорелые после летних трудов руки.

– Ну что, опять плакала? – осуждающе спросил с порога сын. – И не качай головой. Я же вижу: глаза красные.

– Нет-нет, что ты, – поспешно пробормотала Ольга. – Книжку читала. Пойдем, я тебя накормлю. Голодный ведь...

Они прошли на кухню, где остывал ее невыпитый чай, и она суетливо принялась накрывать на стол, мысленно ругая себя за то, что не сварила суп. Ведь выдался выходной, а она и вправду весь день проплакала, как последняя дура. Себя жалела, вместо того чтобы парня пожалеть.

– Как там в школе? – спросила она, нарезая в сковородку вчерашнюю картошку с одной-единственной завалившейся в холодильнике сосиской.

Сашка, уже помыв руки, сидел за столом.

– Нормально, – сказал он, следя за ее быстрыми и ловкими движениями. – Ирина, как всегда, нас по росту выстроила. Посмотреть, кто кого обогнал. «Запомните, – говорит, – ваших соседей. В конце года опять померяемся». Прямо как первоклашкам. А мы в этом году уже школу заканчиваем...

– Ну и кто у вас самый высокий? – спросила Ольга. Эта болтовня и эта шкворчащая на сковороде картошка становились спасательным кругом, заполняя страшную пустоту квартиры. Ведь если не заикливаться на деталях, можно подумать, что все как всегда, а Николай на работе или спит после дежурства...

– А у нас тройка лидеров без изменений! – гордо заявил Сашка. – Наш Вадик Каланча, как всегда, на первом месте. Ренат Айдаров – на третьем. Ну а я – как раз между ними!

– Да, ты у меня вымахал! – Она потрепала сына по волосам и вернулась к сковороде – помешать картошку.

– Зато не угадаешь, кто у нас четвертый и пятый!.. – выпалил Саша и, не дожидаясь версий, тут же раздвинул завесу тайны: – Наша Барби, Алинка Кузьмина, теперь пятая, а как раз перед ней Темыч!

Ольга улыбнулась и кивнула. Алинка и вправду была девочкой высокой, настоящая манекенщица, даже сейчас видно. Жаль только, что немного глуповата... Да не беда – видно, лучше быть красивой, чем умной. Вот она сама как будто умная – и что же?..

– Наверное, были рады встретиться после каникул, – сказала Ольга поспешно, чтобы не погружаться дальше в трясину своих мыслей. Пока не поздно, пора по совету известного правдолюба барона Мюнхгаузена брать себя за волосы и тащить прочь из болота.

– Это да... Только и разговоров, кто где был, кто какие чудеса видел, – мрачно заметил Санька, уткнувшись в тарелку, которую она перед ним поставила.

Две тысячи четырнадцатая школа, в которой учился Санька Сазонов, хоть и не имела никаких особых регалий и официально звалась просто средней школой с углубленным изучением английского языка, считалась престижной, одной из лучших в районе. Попасть в нее было непросто, богатенькие родители буквально осаждали кабинет директора, упрашивая, чтобы тот взял к себе их драгоценное чадо. Однако Роман Владимирович был в этом вопросе непреклонен. Сначала принимали ребят из близлежащих микрорайонов, и только потом, если останутся места, – всех остальных. Если бы не это правило, Санька Сазонов, конечно, в две тысячи четырнадцатую никогда бы не попал.

И не пришлось бы ему белой вороной торчать среди своих расфуфыренных одноклассников, любивших повыпендриваться и показать, кто круче.

Вот и сегодня... Анталия, Хорватия, Таиланд, Куба, Бали – названия так и сыпались, точно на уроке географии. Полина Козлова по прозвищу Коза трещала про свою Италию, Лева Залмоксис сообщил, что прожил месяц у родни в Израиле и купался в Мертвом море, самом соленом в мире. Но интереснее всех рассказывала Лиля Варламова. С детским симфоническим оркестром, где она играла на виолончели, Лиля побывала на гастролях на юге Франции, в Ницце.

– Просто сказочный городок, и он весь растянут вдоль моря! – с восторгом говорила девушка. – Место называется La Baie des Anges – Залив Ангелов. Красота неопишемая! Какие там пальмы на Английской набережной, какие цветы... А какой трамвай...

Рассказывая, она оживилась, разругалась и так похорошела, что Саня невольно залюбовался. Отметил и то, какая женственная у нее фигурка, насколько приятный голос. И этот милый жест, которым Лиля убирала упавшие на лицо волосы.

– А ты, Сазон, как провел лето? Ну-ка колись! – вдруг повернулась она к Сашке.

Признаться, Санек растерялся. Лиля редко заговаривала с ним, впрочем, как и он с ней. А тут такой вопрос... Провокационный, между прочим.

Не секрет, что в их школе, впрочем, как и во многих других, мерилom для всех служило то, что по телевизору называют словом «благополучие», а молодежь выражает фразочками вроде «сколько у кого бабла».

И уже в младших классах ребятня обсуждает, кто у кого папа и мама, какие у них машины, квартиры и дачи. Мальчишки и девчонки оценивают своих одноклассников не только по личным качествам, но и по рюкзакам и пеналам, машинкам и куклам Барби, курткам и кроссовкам. И чем старше становятся ребята, тем яснее видно, куплена ли их одежда и обувь на оптовом рынке или в бутике, какой у кого мобильный и сколько денег дают предки на карманные расходы. Тот, у кого все дорогое и лучшее, пользуется уважением просто так, «по умолчанию», как называл это, используя компьютерный термин, лучший математик

тик класса Лева Залмоксис. А тому, чьи родители были небогаты, приходилось из кожи вон лезть, чтобы завоевать авторитет, – и удавалось им такое крайне редко.

Как и каждый из его одноклассников, Санька Сазонов твердо знал свое место на этой невидимой лестнице. И вынужден был признать, что оно одно из последних, если не самое последнее в классе.

В этом смысле с родителями ему здорово не повезло. Отец, Николай Александрович, простой оперативник, мама, Ольга Сергеевна, – продавщица в продуктовом магазине, небольшом и неудачно расположенном поблизости от супермаркета. Популярностью у местных жителей магазин не пользовался, и это, конечно, напрямую отражалось на зарплатах сотрудников.

С самого детства Санька понял, что его семья хуже других. В младших и средних классах он страшно комплексовал по поводу своей бедности. Тогда ему виделся единственный выход из положения – стать лучшим, хорошо учиться. Но поскольку от природы он был не слишком сообразителен, учеба давалась ему тяжело. И мама, вернувшись с работы, просиживала с Сашкой вечерами. Когда-то она хорошо училась, однако за прошедшие годы позабыла школьные премудрости, и теперь мать и сын постигали их вместе, радуясь своим маленьким победам и переживая неизбежные поражения.

А летом... Лето Сашка провел вовсе не в круизах. Мамин двоюродный брат, живший на берегу Дона, позвал племянша в артель плотников, строить турбазу. До сих пор, стояло Саньке зажмуриться, перед глазами тут же возникали ослепительные свежеструганные бревна, точно промеренные брусья, рыжие искры, летящие из-под жала стамески на точиле, и, конечно же – облака, плывущие в светлом небе, отражавшиеся в бесконечной речной глади.

И это был совсем другой мир. Не курортный и не школьный. Это был мир взрослый, серьезный. Мир тяжелого труда и доброй усталости.

Ему, конечно, было нелегко. Санек работал наравне со взрослыми, от зари до зари, ворочая бревна руками в матерчатых перчатках, чтобы не сбить ладони до кровавых мозолей. День за днем он махал широким плотницким топором, работал теслом и фуганком, конопатил и смолил, дымил наравне со старшими сигаретой на перекурах. А с выпивкой к нему, слава богу, не приставали – дядька на время работы установил строгий сухой закон. Бригадир никак не выделял племянника из остальных, поблажек ему не делал, но, когда пришло время расчета, заплатил как всем – по справедливости.

Вот это было настоящим праздником! Вернувшись в Москву, Санька сразу же, не забежав домой бросить вещи и помыться, рванул на «Савеловскую» – покупать компьютер. К началу учебного года он уже подсоединился к Интернету, накачал себе всякого-разного и, наверное, впервые за все школьные годы почувствовал себя не хуже других. Даже почти не хуже друга Темы – Артема Белопольского.

– Так, в деревне, – нехотя буркнул Саша в ответ на Лилин вопрос, едва ли не впервые в жизни обрадовавшись звонку, созывающему на уроки.

– Ешь, мам, а то остынет, – попросил Сашка, решив не углубляться в неоднозначную тему.

Ольга села напротив сына, сложив на столе руки.

– Нет, Саш, сам ешь. Я... не голодная.

– Ах так!.. – Сашка с сожалением отставил тарелку, из которой так одуряюще-аппетитно пахло картошкой, что приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы удержать скопившуюся во рту слюну. – Ну тогда я тоже есть не буду! Думаешь, ты одна переживаешь? Посмотри, какая худая стала. И синяки под глазами.

Ольга, всхлипнув, уронила голову на руки.

Сашка встал, неуклюже потоптался около матери, подозревая, что, пожалуй, перегнул.

– Ну что ты, мам... Я же хотел как лучше... Извини...

Она подняла голову и улыбнулась сквозь еще не высохшие слезы.

– Это ты извини, Санечка. Да, ты прав. – Ольга встала и принялась выкладывать себе со сковороды остатки картошки. – Я... я больше не буду плакать. И знаешь, даже хорошо, что отец ушел. Он очень много пил. Помнишь, как в коридоре спотыкался... И зарплату подчистую пропивал, а еще у меня брал... Теперь лучше будет. Знаешь, как мы с тобой заживем!..

Она говорила, сама не веря собственным словам. Но это было и неважно. Главное – заполнить паузу, главное – успокоить сына, заставить его поверить в то, что все будет хорошо, ведь Сашке всего шестнадцать. Еще, в общем-то, ребенок...

Санька серьезно кивнул.

– Все будет хорошо, – подтвердил он. – Ты у меня молодец. И знаешь, еще красавица...

Он произнес эти слова просто так, чтобы ее утешить, и вдруг понял, что сказал абсолютную правду. Мама даже сейчас была очень хороша – какой-то декадентской красотой, и напонила Саше актрису немого кино, которую он как-то видел в странном черно-белом фильме. Те же тонкие черты, трагическая линия рта и огромные на худощавом лице глаза, густо обведенные тенями. Только у мамы это не косметика, а следствие пролитых слез и бессонных ночей.

– Ты шутишь! – невольно улыбнулась Ольга. – Это я-то красавица?.. Хотя знаешь, раньше мне часто это говорили...

Она родилась и выросла на Дону, в небольшом заштатном городишке с одним-единственным заводиком, гордо называющимся градообразующим предприятием. Уже к началу школы стало заметно, что Ольга отличается от своих земляков. Тоненькая девочка с неожиданно аккуратными чертами и большими серьезными серыми глазами, казалось, была вылеплена из иного теста.

«Не останется здесь Оля, – говорили про нее уже в то время. – Видно, что не наша. Городская». Под городом подразумевалась, конечно, Москва или, на худой конец, Ленинград. И сама Ольга знала, что ее судьба не здесь, а в столице. А когда у девочки стал проявляться художественный талант, ни у кого не осталось сомнений в ее высоком предназначении.

– Погляди, погляди, как наша пигалица бабу Дусю изобразила! Дуся как есть! – радостно всплескивала руками мать, глядя на очередные почеркушки своей Оленьки.

Оля и вправду умела выхватывать и переносить на бумагу что-то главное. Вроде и набросок карандашный совсем пустяковый, а человек на нем как живой, сразу узнать можно.

– Тебе учиться надо, в настоящую художественную школу ходить, – говорила Оле учительница.

Да куда уедешь, когда вся родня тут. Разве что потом, после школы.

И шло время... Оленька росла, бегала с подругами в единственное в городке кафе, где продавали водянистое безвкусное мороженое, слушала супермодный «Modern Talking», Тото Кутуньо и «Машину времени»... Ее первые духи были куплены в крохотном магазинчике с полупустыми прилавками, на которых сиротливо лежали куски вонючего мыла и зеленая гигиеническая помада, и стоили девянсто копеек. Правда, пользоваться ими Оленька так и не смогла – слишком противным и резким оказался запах. Пришлось отдать флакончик маме, которая сочла духи вполне подходящими для себя, да и не пропадать же добру, деньги плочены.

– Тебе настоящие французские нужны, – вздыхала мама, сама не понимая, как у нее, простой грубоватой работницы, могла родиться утонченная, почти воздушная дочь. Вот сын Роман – точное соединение фамильных черт. Семейный широкий лоб, массивный подбородок и большой приплюснутый нос. И по повадкам вылитый отец. Ему едва исполнилось семнадцать, а уже любит пропустить рюмашку и разбавить речь матерком. А дочь... Она

словно актриса из зарубежного кино. Если бы Олина мать читала волшебные сказки, она, пожалуй, решила бы, что Оленька – подменыш, дитя эльфов...

Шел девяносто пятый год, когда Оленька, прихватив свой пятерочный аттестат и пухлую папочку с рисунками, поехала в Москву, собираясь штурмовать Суриковское художественное училище. Она была так уверена в правильности избранного пути, что, не обнаружив своей фамилии в списке поступивших, не сразу в это поверила. Если бы небеса, возмущенные людскими грехами, рухнули на землю, это стало бы для нее едва ли большим потрясением...

Что же делать? Возвращаться домой?.. Конечно, и речи нет. Значит, нужно как-то обустроиваться в столице, искать временную работу. Так Оля и сделала. И работа, и комната нашлись словно бы сами собой, что снова показалось девушке благоприятным знаком. А потом Оленька встретила Николая...

Вечером, уже лежа в постели, она вдруг вспомнила о сегодняшнем звонке. Неужели у нее действительно есть поклонник? Это было и приятно, и гадко одновременно. Если говорят о любви, то зачем оскорблять? Да и в голосе звонившего ощущалось нечто странное, беспокоящее. «Уж не маньяк ли какой?» – подумала.

2

Последний год Санька помнил отца то пьяным и расслабленным, то трезвым и злым. Однако так было не всегда. Когда-то, Саше уже казалось, что во времена мифические, отец почти не брал в рот спиртного. Николай часто играл с маленьким Сашкой, особенно здорово было, когда он, посадив сына на мощные плечи, изображал норовистого коня и носился по комнате под залиvistый Санькин смех. А еще в доме собирались гости. Чаше других приходил дядя Володя, лучший папин друг еще с детских лет, и они вместе с отцом и мамой долго разговаривали о чем-то на кухне, иногда спорили, иногда пели – дядя Володя умел играть и всегда приносил с собой старую испещренную какими-то надписями гитару. «Вот лучшая подруга нашей боевой юности!» – подмигивал он отцу, и тот в ответ всегда улыбался.

А потом все перевернулось. И началось это примерно год назад, со смерти дяди Володи. В это же время изменился и отец. Возможно, на него так повлияла смерть друга детства, а возможно, другие, неизвестные Саше обстоятельства, но примерно с этого времени Николай запил, а отношения в семье стали стремительно разлаживаться. Отец почти каждый день возвращался с дежурства поддатый – иногда слегка, но чаще здорово пьяным и агрессивным. А потом и вовсе раза два-три в неделю перестал являться домой:

– Ночное дежурство, объявлен план «Перехват»!

Конечно, это было чистейшим враньем.

Буквально за год Николай изменился так, что его с трудом можно было узнать. Пил, почти не просыхая.

Физически отец еще оставался очень силен, сыну несколько раз приходилось наблюдать, как он быстро утихомиривал хулиганов на улице, у магазина или у пивнушки. Он всегда учил Саньку, когда надо, постоять за себя и за других.

Странные отношения были у них с отцом всю пока еще не слишком долгую Санькину жизнь – их, точно на качелях, вечно кидало из стороны в сторону. От детского обожания и доверия к неприязни, почти ненависти к вечно пьяному родителю. Было время, Сашка пытался наладить отношения...

Однажды в субботу, в середине апреля, он столкнулся с отцом во дворе. Тот увидел подходившего сына. Кинулся ему навстречу, обнял за плечи и неожиданно сказал:

– Пойдем пивка попьем!

Такое предложение от отца Санька услышал первый раз в жизни. Конечно, он уже пробовал разный алкоголь, в том числе и водку, которая ему страшно не понравилась. Но одно дело выдуть бутылку пива или банку коктейля с друзьями – и совсем другое «пойти выпить» с отцом, наравне с ним, как двое взрослых мужчин. От растерянности он даже ответить не смог, только кивнул.

Отец рванул широкими шагами, увлекая сына за собой. Тот быстро догадался, куда они идут: в пивной зал, который называли «Аврора», потому что из его окон были видны три трубы ближней теплоцентрали – ни дать ни взять как у легендарного крейсера. Пивнушка была из дешевых, здесь в основном собирались районные ханыги, народ поприличнее обходил бар стороной. Но отца это не смущало. Он взял по большой кружке себе и сыну, пристроился с ним за столом у окна (пить и закусывать в «Авроре» можно было только стоя) и начал «мужской» разговор по душам.

Вспомнить потом, о чем именно они тогда беседовали, дословно или близко к тексту, Санька, как ему ни хотелось, не мог – алкоголь сделал свое дело, здорово затмил и разум и память. Осталось только смутное ощущение, какие-то обрывочные воспоминания... Но ясно было одно – после этого разговора его отношение к отцу резко переменялось. Откровения Николая Александровича, который внезапно распахнул перед сыном душу, заставили

Санька на многое взглянуть совершенно иначе. Отец спивается – и не может не пить, потому что считает спиртное единственным светлым моментом в своей неудавшейся жизни. Жизни, которая на старте была полна надежд и благородных стремлений, утонувших в грязи серой жестокой реальности. Мечтая работать в милиции наивным лопоухим пацаном, он думал, что будет бороться с преступниками и помогать хорошим людям, а оказалось... Оказалось такое, о чем и говорить-то не хочется. Так он и загубил свою жизнь, и менять что-то теперь уже поздно...

Санька помнил: после той исповеди в его отношении к отцу возникло нечто новое. Было очень жаль его, хотя жалость, как ему казалось, унижает мужчину. Но было и понимание, сочувствие.

– Да что уж теперь говорить, – махнул рукой отец и пошел «догоняться» с кем-то из появившихся в пивной приятелей.

А Саня, хотя и выпил всего две кружки, добрал до квартиры на слабых ногах и, скинув куртку, сразу отправился раскладывать диван.

– Выпил? – угрюмо глянув на него, угадала мать.

– Угу.

– С отцом?

Откуда она знает? Соседи, что ли, донесли? Впрочем, коли так, отпираться бесполезно.

– С ним.

– Обедать будешь?

Но вместо обеда он сразу заснул.

А когда проснулся, уже стемнело. Отца не было. Опять «Перехват». Санька с горечью подумал, что это название как раз в точности соответствует отцовским устремлениям «перехватить» что-нибудь с друзьями.

Мама сидела на кухне над очередной книжкой в мягкой обложке, в которых научилась находить спасение от житейских невзгод.

– Умойся холодной водой, – скомандовала Ольга сыну.

Он долго плескал в лицо холодную воду, пока не заныло в носу и не заболели зубы.

– А ну, иди сюда, поговорить надо!

Санька сел на стул и, по обыкновению, уставился на свои руки. Так он сживал не раз, когда родители песочили его за двойки или замечания в дневнике.

Мать сразу узнала эту позу.

– На меня смотри, – хмуро сказала она. – Хватит свои пальцы разглядывать!

Саня поднял на нее глаза. Удивился, как же он не замечал, насколько она в последнее время похудела и осунулась.

Она заранее подготовила свою речь.

– Ты знаешь, отец пьет, на него пока надежды нет. Становись в доме хозяином. И запомни: ты для меня теперь – взрослый человек. Воспитывать тебя я больше не буду. Делать можешь все что захочешь. Школу бросишь – ну что же, бросай: не всем же учеными быть. Дома не заночуешь – никаких вопросов... – Тут она сделала паузу, и, сменив тон, поправилась: – Только не забудь позвонить, сказать, чтоб не ждала, чтоб дверь на ночь запирала. С кем ты дружишь, кого в гости зовешь – все это твое дело. И взрослую жизнь свою сам решай как наладить. Ты уже большой, и я тебе не советчица. Все равно не слушаешь. Деньги буду давать тебе, сколько смогу, – на личные расходы, чтобы по приятелям десятки не стрелял. Работа у меня есть, а закроется магазин – пойду лестницы мыть, но ты у меня будешь всегда и сыт и одет.

Она сделала паузу. На этом список жертв, которые она могла принести сыну, заканчивался. В горле ее раздался какой-то странный звук, вроде всхлипа. И тогда она сказала:

– Только одно мне пообещай. Или нет, не обещаю, а исполни. Одно-единственное. Не пей.

Она поставила локти на стол, сомкнула кисти рук. Зрачки ее расширились, голос задрожал.

– Помни, пить тебе нельзя ни капли. Такая у тебя наследственность. У меня дед из-за пьянки сел, а отец своего не дожил. И брат мается – то работает как каторжный, сам знаешь, то раз – и в глубоком запое. И твой отец ему под статью... Сколько вокруг таких? Чуть ли не в каждой семье это горе. И потому у меня к тебе одна-единственная просьба: не пей! Не пей, пока я жива. Дай себе зарок, а уж как меня не станет – тогда поступай как знаешь.

– Ну, ма, ну что ты... – басовито промычал в ответ Саня. И замолчал. Да и что тут скажешь? Время слов закончилось, настала взрослая пора – время дел.

С тех пор, когда друзья собирались выпить, Санька мрачнел и на все предложения присоединиться к ним твердо отказывался. За это его в компании даже стали звать «мусульманом» или «мусульманином» – им вроде бы по Корану спиртное запрещено. Впрочем, Ренат Айдаров всегда умел найти в этом запрете лазейку, заявляя что-то вроде: «Это виноградное вино нельзя, а про пиво никто ничего не говорил» или: «Сейчас темно, значит, Аллах не видит».

Сделал Санька из того разговора с матерью и другие выводы. Брать у нее деньги вдруг стало как-то неловко, а отец им почти не помогал. Пораскинув мозгами, он стал экономить на себе. А летом привалила реальная возможность заработать.

* * *

Застилавшая стол клеенка была вся в отвратительных липких пятнах. Впрочем, если приглядеться, в них можно отыскать смысл: вон то пятно – бабочка, вот цветок, а здесь – ухмыляющаяся рожа. Николай что есть силы хватил по ней кулаком. На столе задребезжала посуда. Бутылка с пивом опрокинулась, и дурно пахнущая жидкость проворно устремилась к краю стола, закапала на пол... Не важно. Ничего уже не важно, и ничего не имеет смысла.

А в памяти, как всегда непрощено, встал день из другой жизни. День, когда он, Колька, ученик девятого «Б» класса, едва не победил в спортивной олимпиаде.

Его отправили на городские соревнования вместе с Вовкой. Они всегда, с самого детского сада, все делали вместе, и в спорте у обоих были весьма неплохие успехи.

– Не подведите! На вас надеется вся школа! – напутствовал ребят физкультурник.

Володька перед соревнованиями заметно нервничал, даже несколько раз выходил из раздевалки покурить.

– Ты забыл, что курить нам нельзя? Для нас дышалка – первое дело, – напоминал другу Коля, – помнишь, тренер говорил.

– Да черт с ним, с этим тренером! – морщился Вова. – Ты что, взрослых всегда слушаешься, а по утрам ешь манную кашу?

– Не ем, – огрызнулся Николай Сазонов. – Но совет-то дельный. Нам сейчас мериться с самыми сильными бегунами столицы!

– Подумаешь, – хмыкнул друг, перешнуровывая кеды, – запомни: не все решают физические возможности. Главное – ум. Понял?

– Не понял, – честно признался Сазонов.

– Мальчики, выходим! Пора! – заглянул в тесную комнатку тренер, и парни, которые задержались в раздевалке, поспешно затопали к выходу.

– Так что ты там насчет ума говорил? – переспросил Коля.

– Ладно, проехали. Готов дать стране угля? Кто всех сильнее и всех быстрее? – речитативом выпалил Владимир, выставя вперед руку.

– Мы! – с готовностью откликнулся Сазонов, хлопая ладонью по ладони друга. Это был их любимый пароль и отзыв, проверенный еще с детского сада.

А потом они бежали по длиннющей дорожке, растянувшейся вокруг здорового стадиона. И Колька был вторым, а Вова – третьим. Впереди них шел белобрысый противный пацан. Сазонов заметил его еще в раздевалке и почему-то сразу почувствовал неприязнь. Теперь понятно, почему. И ведь хорошо, гад, идет. Не сбавляя темпа – ровно и четко, словно робот. Как вдарил, так и бежит, кажется, даже не запыхался. Ему, вероятно, и достанется первое место. Обидно, конечно, но что уж сделаешь.

И тут белобрысый вдруг покачнулся и упал. Смешно упал, точно надломился. Как будто налетел на невидимое препятствие. Коле даже показалось, будто в лучах солнца поперек дорожки сверкнула не то паутинка, не то нить.

Белобрысый грохнулся неудачно и, кажется, подвернул ногу. Тут Сазонову бы и вдарить – финиш-то уже рядом, всего в двух шагах, а первое место, еще несколько секунд назад казавшееся недостижимым, вдруг заманчиво приблизилось... Коля и устремился вперед... Но не смог. Сам запнулся и, присев на корточки возле подвывающего от боли соперника, спросил:

– Что случилось?..

Этот забег выиграл Володька. Молодец – не растерялся, отстоял-таки честь их школы. А белобрысый попал в больницу. Выяснилось, что кто-то натянул поперек дорожки толстую леску, о которую парень и споткнулся, и иногда Коля думал, что если бы не белобрысый, жертвой неизвестного злоумышленника мог бы стать он сам... Вот как судьба иногда поворачивается.

Да ладно, стоит ли об этом? Почему память не спрашивает, какие воспоминания подсовывать?.. Ведь нет уже Вовки... Уже почитай год как нет... Да и сам он, Николай Сазонов, уже далеко не тот, каким был когда-то...

Он обхватил голову руками и тяжело, пьяно зарыдал.

Что же он сделал с собой? Что же натворил со своей жизнью?..

3

– Мам, а у Лили Варламовой в субботу день рождения...

Ольга только вернулась с работы, едва не валясь с ног – день выдался суетным, но это было хорошо. За хлопотами можно не думать о своих проблемах, сделать вид, будто их и не существует, а когда в магазине еще нет посетителей, яростно надраивать прилавок, протирать пыль с полок – заниматься чем угодно, лишь бы не думать.

– Да... День рождения... Это хорошо, – эхом откликнулась она, снимая в узком коридоре туфли, но сразу опомнилась: – Тебе, наверное, деньги нужны. Тысячи хватит?..

И тут же, открыв кошелек, уткнулась взглядом в пятисотку... Кажется, дела плохи... сколько там еще дней до зарплаты?..

– Не надо, мам, – Сашка, улыбаясь, выглянул из комнаты. – У меня как раз на подарок осталось... Пойдем на кухню, я поесть приготовил.

Ольга протянула руку, чтобы потрепать сына по взъерошенным волосам – надо же, как вымахал, едва до макушки достанешь. Теперь, чтобы поцеловать в щечку, придется вставать на цыпочки.

Они прошли на кухню, где Сашка с гордостью предъявил сковородку с макаронами по-флотски. Слишком жирные, с дешевой вонючей тушенкой. Но, как говорила мама, чай, не बारे, съедим...

– Спасибо, мой маленький!

Санек довольно засмеялся – и от похвалы, и от того, что его, здорового бугая, называли так по-домашнему ласково.

– Скажи, а Лиля хорошая девочка? – вдруг спросила Ольга, усаживаясь за стол.

И по тому, как отчаянно смутился сын, поняла – да, хорошая.

Лиля Варламова и вправду была хорошей девочкой – не злой, смысленной и по-настоящему симпатичной. Семья Варламовых перебралась в Москву из Саратова семь лет назад. Сначала, как и многие приезжие, они всего лишь уцепились за краешек, жили в пятиэтажке «на Текстилях» в тесной квартирке. Но постепенно жизнь наладилась. Дела у главы семьи в столице пошли удачно, он начал с крохотного магазинчика автозапчастей, а теперь уже владел целой сетью. Купил квартиру в хорошем районе на западе Москвы, единственную дочь, в которой души не чаял, отдал в лучшую в окрестностях школу, оплачивал занятия музыкой, нанимал репетиторов. Лиля была, как он сам шутил, его главным капиталовложением.

Мать и сын молчали, склонившись над своими тарелками. Каждый думал о своем.

День рождения Лили Варламовой был в самом начале сентября – первый в учебном году, «открытие сезона», так сказать. Санька знал, что она будет праздновать в субботу. К ней придут, конечно, и Коза, и Ирка Погосян с Машкой Сухановой, и Темыч, и Мишка Гравитц по прозвищу Гравитейшен. «Мне-то какое до этого дело», – гордо думал Санек, но в глубине души ему отчаянно хотелось попасть к Лильке – ну прямо как Золушке на бал. Но будущая именинница не спешила с приглашением, хотя и обсуждала при нем и даже с ним на переменах и в Интернете предстоящее торжество.

Признаться, Сашка уже загрустил по этому поводу. Решил, что, видимо, ничего он не значит для Лили – раз она так себя ведет, следовательно, относится к нему как к пустому месту. Но сегодня Лиля с Козой подошли к нему на перемене парочкой. Лиля, как всегда, крутила непослушную прядку, выбивающуюся из-под массивного гребня на затылке.

– Саш, ты что в субботу делаешь?

Сердце так и прыгнуло.

– Да ничего особенного... Так, думал типа в футбол с ребятами погонять.

– Слушай, а приходи ко мне на день варенья.

– А во сколько? – спросил он как можно равнодушнее, да еще и лицо сделал озабоченное – вроде как вычислял в уме, успеет ли, или его отвлекут другие, куда более важные дела.

– К пяти часам. Ты ведь знаешь мой дом и подъезд? Девятый этаж, квартира триста семнадцать. Наберешь на домофоне номер квартиры, потом вызов...

– Можешь, кстати, вместе с Белополюхой прийти, – вмешалась Коза.

– Мам, а что можно подарить девушке, у которой ты никогда не был? – спросил вдруг Сашка.

Ольга вздрогнула. Ах да, подарок...

– Можешь подарить ей коробку хороших конфет. Хотя... Конфеты съешь – и ничего не останется... Вот что, купи ей, скажем, чашку и сделай на ней дарственную надпись.

– Мам, а какой подарок из тех, что тебе дарили, оказался самым лучшим?..

Оленька жила в Москве уже почти полгода. Работа – временная, в магазине, ну да ничего: девушка знала, что это ненадолго. Проработает год, а там поступит в художку и... На этом фантазия иссякала, но Оля не сомневалась, что впереди ее ждет что-то необыкновенно прекрасное и светлое.

Тем временем подошел день рождения, и Оля твердо решила отметить этот праздник по-настоящему, по-столичному. Подруг у нее пока было немного – вот разве что сменщица, бойкая черноглазая Оксана, приехавшая на заработки с Украины, – легкая, непритязательная девчонка, однако уже успевшая хлебнуть московской жизни.

– Куда бы сходить? – решила посоветоваться с ней Оленька.

– О, нет проблем! – обрадовалась Оксана. – Я поблизости такое классное местечко знаю! Офигеть! Светомузыка, коктейльчики всякие вкусные, а мальчики какие приходят... закачаешься!.. Если только для тебя не слишком дорого, конечно... – добавила она, с сомнением взглянув на подругу.

Оля смутилась. Денег действительно не хватало, да и у кого их сейчас вообще хватало – разве что у бритоголовых, одетых в малиновые пиджаки, новых русских. Но где они, а где Оленька!.. Но, как известно, день рождения только раз в году, а восемнадцать лет вообще исполняется только раз в жизни. Так что о каких тут деньгах речь! Тем более Оленьке повезло – шеф, пожилой кавказец, как раз расщедрился и дал ей премию, а еще мама из дома прислала – совсем немного, но Оля-то знала, как семье дается каждая копейка... Нет, лучше не думать об этом сейчас. Позабыть о проблемах и развлекаться!

– Хватит! – улыбнулась она. – Так что готовься, подруга, угощаю!

И вот они уже, при полном параде, в модных мини-юбках, перешитых и украшенных собственноручно, оказались в суете дискотеки. Отчаянно вопила музыка, едва не разрывая барабанные перепонки, сизый сигаретный дым ел глаза, становилось дурно от перегара, но Оля чувствовала себя по-настоящему счастливой.

– Сейчас по коктейлю – и плясать! – заорала ей в ухо Оксана. – А там, гляди, чубзиков каких найдем, на угощение раскрутим и денежку твою сэкономим.

Оля немного сомневалась, хочет ли она найти чубзиков и как будет с ними расплачиваться – ведь нехорошо разводить кого-то на деньги...

– Может, не стоит? – робко спросила она.

– Да ладно! Можно подумать, ты подпольная миллионерша! – захохотала подруга. – И вообще не парься: все так делают!

Они сели за стол, и Оксана тут же стала деловито просматривать карту напитков.

– Вот, «Б-52». Рекомендую! – ткнув в какую-то строчку сообщила она.

Оля согласилась – сама она не слишком разбиралась в алкоголе и понятия не имела, что следует пить в клубе. Однако когда принесли коктейль, тут же усомнилась в правильности выбора. Оказывается, этот «Б-52» поджигают! И как же это пить?.. Оксанка уже лихо

махнула свой напиток через соломинку и озиралась в поисках тех самых чубзиков, которых можно будет развести...

– Не бойтесь, девушка, – услышала вдруг Оленька у самого уха мужской голос. – Верхний слой у вас уже прогорел. Теперь надо потушить: прихлопнуть рукой – быстро, но осторожно, чтобы не обжечься, поддержать немного, а потом выпить залпом. Оцените, как вкусно.

Она повернула голову. Над ней склонился высокий парень. В сигаретном дыму и плохом освещении она не смогла разобрать, симпатичен он или нет, заметила только копну растрепанных светлых волос, синий пуловер, из-под которого выглядывала рубашка с расстегнутым воротом, крепкую руку с коротко подстриженными ногтями.

– Давай, помогу погасить. – Рука опустилась на край стакана.

Оля испугалась, что незнакомец обожжется, но нет, ничего – пламя съежилось и исчезло.

– Физику учила? – спросил тем временем парень. – При отсутствии кислорода огонь гаснет. Понятно?.. Ну все, можно пить.

– Понятно!..

Оленька кивнула и как замороженная опрокинула в себя содержимое стопки. Тепло... и вкус ванили, а на языке – холодный кофе. Странное, небывалое ощущение...

– Ну как? – Парень заглянул ей в лицо, и Оля увидела, что глаза у него большие, серые и какие-то очень домашние, ласковые.

– Хорошо... спасибо... – Она робко улыбнулась, не зная, что сказать дальше.

Он тоже стоял над ней молча – только смотрел.

Неизвестно, сколько бы длилась пауза, может быть, целую вечность, но тут в их безмолвный диалог вмешалась Оксана, соскучившаяся в отсутствии внимания к собственной персоне.

– Да ты присаживайся, – пригласила она сероглазого парня. – Меня Оксаной зовут. А тебя? Ты здесь один? – обрушила она через грохот музыки целый шквал вопросов.

– Я с другом, – ответил он, придвигая стул поближе к Оле. – Меня Колей зовут. А тебя?

Он едва заметил Оксанку, глядя только на Оленьку, и это было так хорошо, что даже закружилась голова... Или она закружилась от коктейля?.. Не хочется об этом думать, не хочется думать вообще – только смотреть, смотреть...

– Оля...

Это имя прозвучало как вздох. И они снова застыли, так и глядя друг на друга.

– Так! Хватит пялиться! – скомандовала Оксана. – Ну, Коля, зови своего друга, и давайте праздновать! У нее сегодня день рождения!

– Это правда?

Оля, смутившись, кивнула.

– Володька, иди к нам!

Кареглазый кивнул кому-то, и вскоре за их столик пересел еще один парень. Брюнет, пониже и чуть поплотнее своего друга. Оле не очень понравилось его замкнутое тяжелое лицо, однако девушка поспешно улыбнулась и протянула узкую ладошку сначала Коле, а потом Володе... И если от Колиных пальцев веяло теплом и силой, Володина рука оказалась неожиданно холодной и влажной. Оле на миг показалось, будто она дотронулась до лягушки.

– Я того... сейчас вернусь... – пробормотал Коля, поднимаясь со стула.

Когда он исчез из вида, Оля почувствовала, что агрессивная музыка снова со всей силой обрушилась на барабанные перепонки. Странно, ведь только-только увидела этого Колю, но стоило ему уйти, и она уже скучает, уже ищет его взглядом по залу...

Что-то говорила Оксана – Оленька даже не слушала подругу. Станный хмурый Володя тоже, кажется, что-то кричал, наклонившись к ее уху, но она отмахнулась от него, как от

назойливой мухи. Минуты гулко стучали в висках. Ну где же он? Почему так долго? Отчего не возвращается? А что... что, если он больше не придет?..

Не в силах справиться с собственными чувствами, она наклонилась над своим опустевшим стаканом... И в этот миг в поле ее зрения вдруг возникла роза. Пышная красная роза, на бархатных лепестках которой еще виднелись дождевые капли, сверкающие ярче любых софитов.

– С днем рождения!.. – донесся до Оли уже ставший родным голос...

– Это была роза, – ответила Ольга. Она подняла глаза на сына и снова, как почти что семнадцать лет назад, улыбнулась.

* * *

В просторной квартире Варламовых было шумно и празднично. Саньку бросилось в глаза, что во всех комнатах горят люстры, хотя за окном еще светло. Лиля встречала гостей в прихожей. Длинные волосы ее были сколоты заколкой, казалось, небрежно – но только девчонки понимали, что эта самая небрежность достигается часами парикмахерской работы. На ней был голубой шелковый брючный костюм, лицо чуть тронато косметикой, но так, что макияж почти незаметен, на шее – тонкая золотая цепочка, в ушах – сережки с бирюзой. Каждый из мальчишек, подарив цветы и подарок, получал право чмокнуть именинницу в щечку. Кто бы отказался!

Саня тоже подошел ее поцеловать, но Лиля никак не выделила его среди гостей, и это задело. А когда он бросил взгляд на комод, куда именинница складывала, предварительно развернув и вежливо поахав, подарки, ему стало как-то не по себе. Тут были и французские духи, и маленький серебристый ноутбук, и сережки в бархатной коробочке, и... Среди всего этого великолепия его дурацкая чашка смотрелась дешево, чтобы не сказать – убого.

С горя Сашка принялся рассматривать гостей. Подруги Лили тоже нарядились – одна другой краше. Пожалуй, лучше всех из них выглядела Полина Козлова, Коза. На ней было короткое облегающее огненно-красное платье. Загорелая темноглазая Полина была похожа то ли на мулатку, то ли на цыганку.

Остальные девчонки тоже расстарались как могли. Среди них были Лилины подружки еще по прошлой, наверное, школе, а может, и по оркестру, Саня их не знал. Их как-то забыли представить. Впрочем, почти все, кто был приглашен сегодня – кроме, наверное, одного Санька, – уже встречались здесь раньше, на прошлых днях рождения.

В самой большой комнате у дальней стены был накрыт длинный стол, весь заставленный блюдами с закусками, явно заказанными в хорошем ресторане. Рядом, на журнальном столике, стопкой стояли тарелки и выстроились бокалы, еще один столик, сервировочный, на колесиках, заняли вазы с фруктами и бутылки – газировка, минералка, вино.

– Мы все-таки решили, что лучше сделать фуршет, – объяснила мальчишкам Лиля. – Ну его, это застолье... Вечно объешься так, что потом и встать трудно. А теперь больше места для танцев останется. У нас все-таки тесновато...

Услышав последнюю фразу, Санек только головой покачал. Вся их квартира целиком была по площади едва ли не меньше этой комнаты. Ничего себе «тесновато»!

Девчонкам, похоже, уже надоело ждать кавалеров, и общее веселье вспыхнуло сразу, как будто все торопились наверстать потерянное время. Когда стало ясно, что все уже пришли, Лилины папа и мама вышли, чтобы поприветствовать гостей. Мальчишки не слишком умело, щедро разбрызгивая пену, открыли шампанское, разлили. Отец сказал тост в честь дочери, частично даже в стихах, все дружно поаплодировали. После чего взрослые удалились, а у молодежи началось веселье с танцами, выпивкой и флиртом, ради которого, собственно, все здесь и собрались.

После особенно заводного танца, совсем запыхавшись, Лиля предложила Саньку:

– Хочешь пепси?

– Да ну его, сладкое очень. От него только сильнее пить хочется.

– Тогда просто воды?

– Ага.

Они обыскали комнату, но все бутылки из-под минералки с газом и без оказались пусты.

– Пойдем тогда на кухню, – сказала Лилия.

Взяла его за руку и повела по коридору. На кухне никого не было. Горел яркий свет, работала, тихонько гудя, посудомоечная машина.

Лилия открыла дверцу подвесной полки, достала чашку, налила воды из фильтра. Стояла и смотрела, как Санек пьет крупными глотками.

– Еще?

– Ага...

– Здесь хоть тихо...

– Угу.

– Постоим тут.

– Давай.

Санек прислонился к подоконнику. Лилия зачем-то щелкнула выключателем газовой плиты – зажглась конфорка. Потом прошла к двери, выключила свет и вернулась к Саньку. Голубой огненный цветок отражался в молочно-белой поверхности – это было очень красиво. Света он почти не давал. Лицо Лили было затемнено, только поблескивали белки глаз и блески на жакете. Девушка стояла совсем близко, глядя на Саньку снизу вверх. А Саньку точно заколдовали – он был не в силах пошевелиться. Стоял, смотрел на нее и едва дышал.

– Пятьдесят четыре, – произнесла вдруг Лилия.

– Что – «пятьдесят четыре»? – не понял Саша.

– Я досчитала про себя уже до пятидесяти четырех, а ты меня до сих пор еще не поцеловал.

Санек неуклюжим движением потянулся к ней, но пальцы его, намертво стиснувшие подоконник, так и не разжались. Он был словно прикован к своему месту.

– Пятьдесят шесть... Смотри, дальше еще хуже будет.

Санек хотел что-то ответить, но из горла вырвалось какое-то бульканье.

– Э-эх. – Лилия глубоко вздохнула. Сочувственно? Или издевательски? – Ну хорошо. Замри.

Это ему сделать было проще всего!..

Она придвинулась еще ближе.

– Замри, не шевелись. Точно не пошевелишься?

Санек только мотнул головой.

И вот летящим взмахом она закинула ему руки на плечи – они казались гибкими, как тонкие ветки. Поднялась на цыпочки. Придвинулась вплотную, так что он почувствовал сквозь одежду ее крепкую грудь и где-то далеко внизу – вздрагивающие твердые колени.

И поцеловала его в висок. Прошептала в самое ухо:

– Не шевелись!

Санек чувствовал, как внутри у него все тает и оплывает, как свечка.

Лилия быстрым движением коснулась губ. И вдруг – совершенно не вовремя – заговорила.

– Уй-ю-ю-ю-юй! – пропищала она тоненьким девчоночьим голоском. – Уй-ю-юй, как мне это нравится! Санек, ты такой большой, ты такой чудесный!.. Я давно хотела тебя поцеловать! Знаешь, когда захотела?

Санек только разомкнул и снова сомкнул губы со шлепающим звуком.

– Летом!

Он почувствовал, как она гладит его волосы.

– Да, летом, а ты и не знал! Мы играли с ребятами в бутылочку. И, знаешь, заигрались, наверное. Они стали хаметь, лезть к нам по-серьезному. А сами – такие противные, все из себя гадкие, приставучие... Санек, ты даже не представляешь! Я едва не заплакала! И тогда вдруг подумала: вот был бы здесь Сашка Сазонов, как бы я хотела его обнять изо всех сил и поцеловать!.. Это случилось, как сейчас помню, вечером четвертого августа. Скажи, ты тогда ничего не почувствовал?

– Не-а. – Санек отрицательно покрутил головой, но Лиля схватила его волосы в горсть и больно дернула. И снова на ухо:

– Не шевелись и не говори ничего.

Санек послушно замер, как деревянная кукла.

– Молодец. Так и стой. А я тебя сейчас поцелую. Пять раз. Это мне подарок будет ко дню рождения.

Руки Лили соскользнули с его плеч, вниз по Саниным рукам. Ее ладошки накрыли его пальцы, намертво вросшие в край подоконника. Теперь она была еще ближе. Санек чувствовал все ее длинное горячее тело. Она поцеловала его в нос.

– Раз.

Поцеловала в щеку.

– Два.

Проскользнув губами по лицу, поцеловала в другую щеку.

– Три.

Губы ее сползли вниз. Лиля поцеловала его в шею и выговорила, казалось, издалека, откуда-то снизу:

– Четыре.

И вдруг влажные мягкие губы ее легли наискосок на крепко сжатые, одеревеневшие губы Санька. Тесно приникли, раздвинулись. Высунулся остренький кончик языка, ткнулся меж его губами, словно обжигающий язычок пламени. Прежде чем Санек сообразил раздвинуть губы, она уже оторвалась от него.

– Пять. Отомри.

Только теперь он оторвал наконец руки от подоконника. Обхватил Лилю и сжал в объятиях так, что сам испугался – как бы у нее кости не захрустели. Но она вытерпела молча.

А у него больше уже не было сил терпеть. Его руки жадно заскользили по ее телу, по шелку костюма, потянулись к пуговицам. И Лиля, казалось, была не против, она совсем не сопротивлялась, когда он стал торопливо и неловко расстегивать ее жакет...

Но тут под потолком вспыхнул ослепительный белый свет, и в кухне появилась Лилина мама.

– Ой, извините... – пролепетала она. – А я хотела чайку согреть.

Сашка пулей вылетел из кухни, на автопилоте добрался до ванной, которая, на его счастье, оказалась свободна, открутил до предела холодный кран и сунул голову под мощную струю.

* * *

– Ну и дура же ты, Лиля! – говорила Полина. – Вот уж дура так дура! Просто непонятно даже, как я с тобой дружу, с такой круглой дурой! Разве можно так с парнями? А если бы он решил, что ты на все... ну на это... согласна?

– Ну нет, он не такой! – возражала Лиля.

– Много ты понимаешь!..

Был, наверное, уже второй час ночи. Лиля позвонила Козе и со всеми подробностями рассказала ей, как они с Сашкой целовались на кухне. Подружки часто созванивались перед сном и трепались порой часами, к большому неудовольствию родителей, которые были солидарны во мнении, что спать нужно ложиться вовремя. Вот и теперь они подробно обсудили всех гостей и гостей, особенно – гостей: кто в чем был одет, у кого какие туфли, много ли косметики наложила каждая из них и к лицу ли ей такая помада и тени на веках. И где, интересно, ребята умудрились распить бутылку чего-то крепкого, и почему они все (кроме Сашки, конечно!) к концу вечера на ногах уже едва держались.

И, когда все косточки были перемыты, Полина снова вернулась к теме кухонных поцелуев и сказала со вздохом:

– Теперь он от тебя точно никогда в жизни не отлипнет...

– Угу.

– Что-что?

– Я говорю: и пусть не отлипает! Я же только этого и хочу, – вздохнула Лилия.

– Ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

– Почему не знаю? Все я знаю.

– И чего же? – в голосе Полины зазвучала неприкрытая ирония.

– Ну... Хочу встречаться с ним, быть вместе. Гулять, целоваться...

– Со всеми вытекающими!..

Лилия фыркнула. Потом задумалась.

– Нет, к сексу я еще не готова, – заключила она наконец.

– А раз не готова, то и нечего парня провоцировать, – голосом строгой дуэньи сказала Полина. – Чем больше ты будешь ему позволять, тем быстрее он тебя бросит.

– Ну да, наверное, так... А чего делать-то? Знаешь, я вот даже не представляю, как в понедельник в школу приду, как в глаза ему посмотрю...

– А тут и представлять нечего. Веди себя так, будто ничего не случилось. И даже более того – будто ты к нему совершенно равнодушна.

– А... А это его не отпугнет?

– Да наоборот! Еще сильнее к тебе привяжет. Как моя сестра говорит, это лучшая политика. Называется «пойди сюда – пошел отсюда». Действует на убой. Поняла?

– Угу, – проговорила Лилия после паузы.

4

Выходные пролетели, словно миг, и вот уже противный писк мобильного побуждал покинуть постель и идти на ненавистную работу. И проблема была вовсе не в том, чтобы заставить себя встать еще до рассвета – Марату не привыкать к дисциплине, – нет, проблема в другом. Вспомнив об этом, Марат заскрипел зубами.

– Я еще отомщу! – поклялся он себе, как клялся этот год едва ли не каждое утро.

Эта клятва и еще свернувшаяся в груди тугой пружиной злость придавали ему силы.

Марат отшвырнул одеяло, одним прыжком вскочил с кровати и принялся за свои утренние упражнения. Наклоны, отжимания, гантели... Он не давал себе спуска, и не зря – большое зеркало отражало крепкого мужчину с накачанным «кубиками» прессом, мускулистыми руками и ногами, еще молодого – под тридцать, – с красивым лицом, главным украшением которого были чуть раскосые тигриные глаза, с подстриженными коротким ежиком темными волосами.

Выполнив свою программу-минимум, Марат принял душ, выпил дежурную чашку кофе, глядя в темное еще окно, натянул ненавистную форму и отправился на пост.

Две тысячи четырнадцатая школа, в которой он нес нелегкую службу охранника, являлась его персональной тюрьмой или, если выразиться точнее, трудовым лагерем. Еще совсем недавно он занимал вполне хорошее и, казалось, стабильное положение. Еще совсем недавно он не только распоряжался собой сам, но и имел зависимых, старательно заглядывающих в глаза подчиненных. Такое положение Марату чрезвычайно нравилось, и он чувствовал себя кем-то наподобие азиатского царька, самовластного в пределах своих владений. Деньги, бабы, дурь... все было у его ног – только изволь нагнуться, чтобы поднять. И вот в один день все изменилось.

«Ты будешь жить, сучонок, – будто наяву, слышал он бесстрастный, а оттого еще более страшный голос Шефа. – Но еще пожалеешь о том, что облажался. Придется очень потрудиться, чтобы загладить свою вину».

И Марат заглаживал. Ненавидя весь белый свет, ежедневно переступая через собственную гордость.

Вот и калитка ненавистной школы. Поднявшись по ступенькам, он вошел в тяжелую дверь, отметил о принятии дежурства и заступил на пост.

Вскоре жидким ручейком потянулись первые ученики и учителя.

– Здравствуй, Марат! – зыркнула на него литераторша. – Смотри получше, чтобы дети сменку не забывали. На улице такая грязь!

– Конечно, Марина Евгеньевна. – Он вежливо, одними губами, улыбнулся.

Снежная Королева, как называли литераторшу в школе, величественно проплыла мимо. Между ней и Маратом существовало некое напряжение, и Марина Евгеньевна никогда не упускала случая походя нанести булавоочный укол – мелкое, но болезненное унижение. В ответ на это охранник держал лицо и делал вид, будто его вовсе не задевают ее фехтовальные па. Да они его, в общем, и не слишком задевали, скорее они ему даже льстили. Кто-кто, а Марат, стопроцентный мужик, чувствовал, что литераторшу к нему тянет. Вот она и кочевряжится, строя козьи морды. Он было даже всерьез размышлял, а не переспать ли с ней, чтобы разрядить обстановку, но потом решил не связываться. Снежная Королева, по всему видно, баба вздорная, неудовлетворенная – как приклеится, потом с мясом не отдерешь. Ну уж нет, уж лучше держаться подальше. Пусть себе упражняется, он стерпит. Еще не такое стерпел...

Дверь в очередной раз заскрипела, и в школьном коридоре возникла сонная физиономия Мишки Гравитца.

– Салют, Гравитейшен, – приветствовал парня Марат, по-пионерски поднося руку к голове.

– Салют, Робеспьер! – отозвался тот привычной шуткой.

Робеспьером Марата прозвали с легкой руки Темки Белопольского. Не только из-за созвучия, но и за истинно революционную непримиримость к нарушению школьных правил.

Мишка Гравитц был одним из немногих, с кем Марат поддерживал нечто наподобие дружеских отношений. А получилось это вот как.

В первую же неделю после начала нового учебного года всем ученикам две тысячи четырнадцатой раздали вставленные в пластик картонные таблички с отпечатанной в типографии эмблемой школы и заставили подписать и наклеить фотографии. Как водится, нововведение вызвало кучу затруднений, посыпались глупые вопросы.

– А как писать: Катя или Екатерина?

– А отчество писать? – вопрошал какой-нибудь ушастый пятиклашка, сам от горшка два вершка.

– А можно, я кликуху напишу? – острил кто-то.

Как и во всех других школах Земли, клички в две тысячи четырнадцатой были в ходу с первого до последнего класса. С ними особенно не изощрялись, в основном они были образованы от фамилий. Например, Сазонов был Сазон, Полина Козлова – естественно, Коза. У Миши Гравитца образовалась нелегкая в произнесении кличка Гравитейшен, что, как известно, по-английски означает «гравитация», «притяжение». Он так гордился своей кликухой, что пользовался ею постоянно и в Интернете везде регистрировался только под этим ником.

И вот именно Мишке пришла в голову мысль взять да и выпендриться. Он отсканил свой беджик и на одном из них написал как положено: «Михаил Гравитц», а на другом – попросту: «Гравитейшен». Теперь у него было два беджика – прикольный и нормальный, на всякий случай. Учителя долго не обращали на это внимания, зато ребята, конечно, все заметили и оценили по достоинству. Уже через день-два полкласса щеголяло с новыми беджиками, на которых вместо имен и фамилий фигурировали прозвища или интернет-ники. Парни называли себя «Терминатор», «Шрек», «Секс-гигант», девочки писали что-то вроде «Солнышко», «Мисс Вселенная» и даже «Все девчонки как девчонки, одна я богиня».

Удивительно, но проделка эта очень долго сходила ребятам с рук. И еще более удивительно, что первый скандал разразился именно благодаря тому, с кого и началось это поветрие. Однажды утром Мишка Гравитц опоздал на занятия – конкретно так опоздал, почти на пол-урока. Ему не повезло: дежурил в тот день Марат. Будь на дежурстве другая смена, может, еще удалось бы как-то проскочить. Но Марат оказался непреклонен. Проспал – иди дальше спи, придешь ко второму уроку. А во время занятий никого в школу пускать нельзя, распоряжение директора.

Мишке же совсем не хотелось возвращаться на улицу, где моросил мелкий, уже осеннему затяжной дождь. Он стоял перед Маратом, бывшим выше его почти на голову и вдвое шире в плечах, и препирался с ним, заранее, впрочем, понимая, что эти препирательства ни к чему не приведут.

И как раз в это время в холле появился директор Роман Владимирович, очевидно, куда-то заехавший с утра по своим важным директорским делам и пришедший на работу без пяти девять.

– Что у вас тут такое? – почти механически осведомился он, торопливо проходя мимо.

– Да вот, – отвечал Марат, – Гравитейшен на урок опоздал. А я его не пускаю, согласно вашему распоряжению.

Директор даже остановился.

– Как ты его назвал? – удивился он. Роман Владимирович преподавал в старших классах физику и хорошо знал всех ребят по фамилиям и именам.

– Дык это... По фамилии. – Марат, чуть растерявшись, кивнул на беджик Миши.

Удивленный директор обратил взор туда же, не поверил своим глазам, снял дорожные очки-хамелеоны в модной оправе и снова прочитал по слогам:

– «Гра-ви-тей-шен»! Это что такое? – строго спросил он.

Миша только плечами пожал.

– Ну, это... Шутка.

– Чтоб я больше таких шуток не видел! – весьма грозно произнес директор. И торопливо надел очки. Может быть, для того чтобы спрятать глаза за дымчатыми стеклами. Потому что глаза, несмотря на суровое выражение лица, улыбались. Директор был молод, ему не исполнилось и сорока. И он еще помнил собственные проделки...

А через день ребята из одиннадцатого «Б» курили за школой. Не на пяточке, а подальше, там, где от асфальтированной площадки к железобетонной ограде больницы тянулся школьный сад – десятка полтора старых извилистых яблонь, которые, казалось, специально когда-то обрезали, чтобы на них легче было залезать ребятам. Ни одного яблока на ветвях, разумеется, не было – их еще до начала учебного года собирали вечерами старушки из окрестных домов.

Мишка показывал ребятам растяжку. Растяжка у него действительно была отличная, пять лет занятий восточными единоборствами давали о себе знать. Он задирает ногу почти до вертикали и наносит два-три удара по веткам яблонь, твердо стоя на другой ноге. Занятый этой демонстрацией, он не заметил, как рядом оказался Марат.

– Ого, шестой дан, черный пояс! – проговорил он то ли с восхищением, то ли с издевкой.

Ребята напряглись – что охраннику от них надо? Гравитейшен опустил ногу, несколько раз подпрыгнул, разминаясь, как перед атакой.

– Давай отойдем в сторонку, типа поговорим, – предложил ему Марат.

Они отошли шагов на десять, встали друг против друга.

– Слушай, Гравитейшен, – негромко и дружелюбно проговорил охранник. – Ты это... Ну, в общем, извини, что я тебя попалил. Не хотел, правда.

– Да ладно, – махнул рукой Мишка.

– Без обид?

– Ясный пень.

– В общем, знай, – сказал охранник. – Если тебе что-нибудь понадобится – ну, помощь там какая, поддержка, хоть в школе, хоть вне школы, – можешь рассчитывать и на меня, и на наших ребят. Понял?

Гравитц кивнул.

– Ну а если нам что понадобится – мы тогда к тебе тоже типа с просьбой. Не откажешь?

Миша мотнул головой.

– Ну и лады. Давай пять.

Марат протянул огромную лапищу, Мишка пожал ее, стараясь, чтобы рукопожатие вышло как можно более крепким. Но с тем же результатом он мог бы сжать стальную рельсу. Марат улыбнулся ему, поднес ко лбу два пальца и резким движением отдернул их – так в американских боевиках отдают друг другу салют супергерои.

– Гравитейшен!

Повернулся на каблуках и пошел прочь.

– Ну, чего он? – подскочили к Мише ребята.

– Вроде как извинился, что меня подставил. – По всему виду Гравитца было ясно, что его так и распирает от гордости.

– Ну и правильно. Значит, хороший мужик.

– Мне он всегда нравился...

С тех пор, когда Миша Гравитц попадал в поле зрения Марата, он становился во фрунт и с неизменным «Гравитейшен!» отдавал американский салют. Тот в ответ тоже щелкал кабелями, делал ответный жест и в такт охраннику выкрикивал:

– Робеспьер!

Марату это явно нравилось.

Вот и сейчас он едва заметно улыбнулся – не так, как на подкол Снежной Королевы, а почти по-человечески... Но тут же лицо Марата дрогнуло, рот исказился волчьим оскалом, а глаза на миг заволокло пеленой ненависти – в школе появился он, звереныш Александр Николаевич Сазонов, сын человека, которого Марат мог со всеми основаниями благодарить за свое нынешнее положение.

«Не сейчас. Месть – это блюдо, которое едят холодным», – напомнил себе Марат.

* * *

В понедельник Санек летел в школу словно на крыльях. У двери торчал Марат, дернувшийся при появлении Сашки.

«Ну вот, сейчас привяжется с какой-нибудь ерундой», – подумал Санек, но Марат ничего не сказал. У Сазона было странное чувство, что охранник его почему-то недолюбливает. Хотя, если разобраться, – кого он долюбливает, этот похожий на восточного царька Марат?.. Бог с ним. Сашка проскользнул мимо и тут же забыл об охраннике: хватало и своих забот.

Лиля и Коза сидели на своих местах, а вот Темыча не было – друг звонил накануне вечером, хрипя и сопя, объяснял, что простудился в бассейне.

День принес еще один сюрприз – в классе появилась новенькая. В середине сентября. Хорошо что не в середине учебного года! Зато прямиком из Швейцарии – ну точно, «какие люди в Голливуде!» В точности под стать этой элитной школе. Вера Баринова. Новенькая Сашку не заинтересовала, сразу видно: ничего особенного – тихоня, заучка, тем более девчонка оказалась болезненно полной. Санек на нее и не смотрел – он смотрел на Лилю...

На первой же перемене Лилю плотным кольцом обступили девчонки и затрещали, как сороки. Родители подарили Варламовой на день рождения айфон – и теперь подружки листали инструкцию и с умным видом нажимали кнопки.

До самого конца занятий Лиля на Санька даже не взглянула. Если подружки рассредотачивались, то ее надежно прикрывала Коза, словно телохранитель – американского президента. Даже до грубости доходило:

– Ты чего смотришь. Пойди покури. Ах, уже покурил? Ну так пойди и покури еще.

И после уроков девочки ушли целой толпой – не иначе как домой к Лиле, настраивать звонки, записывать эмпэтришки в память и телефоны в записную книжку. Оставалось только надеяться, что и его, Санькин, номер тоже уляжется на какую-то неведомую электронную полочку в стильном матовом серебристом корпусе.

Но Лиля не звонила и в аське ему не отвечала, даже несмотря на статус «готова поболтать». Санек был в полном недоумении. Ему казалось, что после поцелуев в темной кухне он, скажем так, приобрел на Лилю какие-то права – то есть, разумеется, не на саму девушку, а хотя бы на ее внимание. Почему бы на перемене не подняться на четвертый этаж, где на площадке перед вечно запертым актовым залом почти всегда пусто и никто не сможет помешать им поговорить? Почему бы после уроков не пройтись погулять в последние погожие деньки?

Разумеется, можно было действовать нахрапом – вызвать Лилю на прямой разговор, оторвав ее от навязчивой и самонадеянной Козы. Или позвонить ей самому. Но Санек почему-то не мог этого сделать. То ли не хватало храбрости, то ли внутренний голос подсказывал, что лучше подождать...

* * *

Ольга пришла домой уже очень поздно, зато почти счастливая – с авансом в кармане и сумкой, набитой продуктами первой необходимости. Удалось-таки уговорить начальство дать немного денег в счет зарплаты. В этом и преимущество ее крохотного магазина – в солидной компании такие штуки невозможны.

– Санька, я дома! – закричала она из прихожей.

Он выглянул из комнаты, улыбнулся.

– Привет, мам! А тебе тут какой-то мужик звонил!

Сердце замерло, а потом тревожно заколотилось в грудную клетку.

– К-какой мужик? – Ей пришлось нагнуться, маскируя внезапный страх. И откуда он только взялся – липкий, противный, как змея, ползущий по позвоночнику. Она сама не понимала, отчего так испугалась. Чувство было иррациональным и, возможно, потому ошеломительно сильным.

– Не знаю, он не представился. Станный какой-то. Будто издали звонил – в трубке одни помехи. А когда я сказал, что тебя нет, сразу отключился.

Ольга медленно сняла туфли и только после этого нашла в себе силы ответить как можно безразличнее:

– Так это Рома. Он должен был мне позвонить. Ты что, уже родного дядю не узнаешь?

Она не знала, зачем сплетала эту явную ложь – просто нужно было говорить, уверить сына, а главное себя, что все хорошо, все под контролем.

Сашка с сомнением покачал головой, принимая из рук матери старенький застиранный плащ.

– Что я, дядю Рому не узнаю?..

– Нет, нет, это он! – горячо заговорила Ольга. – Просто он пьяным был. Ты же знаешь, что Рома пьет... Сейчас у него подряда нет – вот и ушел в запой.

Лицо Саньки по-прежнему выражало недоверие, однако спорить он не стал, только пожал плечами и удалился в комнату. Когда Ольга заглянула к нему, Саша сидел за компьютером перед открытой аськой и с сосредоточенным видом пялился в экран, точно ожидая оттуда божественного откровения.

Ольга не стала его тормозить. У сына уже своя, почти взрослая жизнь... Мальчик очень переменялся за время, что прошло после ухода Николая, но сейчас, похоже, переживает уже не из-за отца. «Эта Лиля... наверное, дело в ней», – решила Оля, но расспрашивать Сашку опять же не стала: придет время – сам все расскажет.

Она очистила от жирной осенней грязи туфли, прошла на кухню и принялась рубить капусту на борщ. Кто же звонит ей? И зачем? Может, просто хочет запугать?.. Если и вправду маньяк?.. Что тогда делать? Ольга отложила нож и взялась за телефон: надо позвонить Николаю. Он оперативник, он разберется... Но палец так и завис над кнопкой вызова.

Николай ушел. Он ясно дал понять, что ему нет никакого дела ни до нее, ни до сына. Звонить и просить о чем-то невозможно.

Надо справляться со всем самой. Надо оставаться сильной.

Ольга снова взялась за нож и принялась рубить капусту с такой яростью, словно в этом несчастном кочане заключалось все мировое зло, вся несправедливость.

Как странно, что с Колей все сложилось именно так... Начиналась их история совсем по-другому.

– Знаешь, я циничный мент, – несколько рисуясь, говорил Николай, заглядывая Оленьке в глаза, – но готов плакать, как младенец, когда только представлю, что мог пройти мимо тебя!

Они сидели на ковре в его комнате. За окном покачивались на холодном мартовском ветру голые ветви деревьев. Между ними горела свеча, и от ровного желтого пламени, а может быть, от ласки любимых глаз Оленьке было необыкновенно тепло.

– Этого не могло не случиться. Мы не могли пройти мимо друг друга, – ответила она, не отводя взгляда.

Она чувствовала, что говорит истинную правду, что даже жестокий мир не настолько несправедлив, чтобы они прошли мимо друг друга, разминулись, а потом всю жизнь страдали, смутно ощущая какую-то странную неправильность – неуловимую, но еще более болезненную от этого. Скорее всего, каждый из них встретил бы кого-нибудь, завел семью, детей, но все это было бы не то, и человек, который рядом, порой вызывал бы легкое недоумение просто потому, что был бы не тем...

– И опять между нами пламя. Я даже думаю, что это наш символ, – сказал Коля и, не боясь обжечься или подпалить одежду, прямо над огоньком свечи потянулся к Оле.

Она тоже всем телом подалась к нему. Их губы встретились над трепещущим огнем умирающей в муках, плачущей восковыми слезами свечи – безмолвного свидетеля и регистратора их счастья.

– Какая же ты у меня красивая! – пробормотал Николай, судорожно глядя Олю по волосам, по спине...

Это нечаянное «у меня» заставляло ее сердце колотиться еще быстрее, и Оленьке казалось, что вот сейчас, еще мгновение – и она точно умрет от счастья, потому что стоит ли жить после того, как испытал *такое!*..

Но она не умерла, и они с Николаем любили друг друга – то возносясь в небо, то проваливаясь в пропасть. И это было прекраснее и правильнее всего на свете...

А спустя еще месяц Оля поняла, что беременна. Эта неожиданная (да-да, она не была маленькой девочкой и могла бы соображать, от чего появляются дети, но почему-то не сообщала, забыв обо всем) беременность поставила крест на планах, связанных с институтом. Но вопрос, оставлять или не оставлять ребенка, даже не встал ни перед ней, ни перед Николаем Сазоновым.

Когда она, краснея и сбиваясь, сообщила Коле, что у них, кажется, будет ребенок, Николай посмотрел на нее очень серьезно.

– Значит, нельзя затягивать с посещением загса, – сказал он как о чем-то само собой разумеющемся.

И Оленька наконец смогла выдохнуть, потому что не раз читала в книгах о переломном моменте отношений и о том, как иногда самые прекрасные принцы при сообщении о возможности появления наследника вдруг краснеют, бледнеют, садятся на коня и, прищипорив его, мчатся в неведомую даль.

Ее Коля был не таким.

Саму свадьбу Оля помнила довольно плохо. Память сохранила только фрагменты, словно куски разорванной фотографии: купленное на рынке простенькое белое платье; прибывшая по такому случаю ее родня, немного испуганная и теряющаяся в столичной суете; Колин друг детства Владимир – тот самый мрачный тип из дискотеки, который присутствовал при их знакомстве, и снова – удивление от холода его пожатия, когда он коснулся ее руки, чтобы поцеловать пальцы; скудный стол с привезенными мамой деревенскими угощениями – зарплата у Николая оказалась совсем маленькой, едва ли не меньше, чем у самой Оли;

завистливые глаза единственной присутствующей подруги Оксанки: «Ну и повезло тебе, подружка! Москвича отхватила!.. Хотя... Я бы взяла другого...»

Тогда Оля была счастлива, тогда она знала, что их семья преодолеет все трудности. Тогда рядом с ней был первый самый важный человек в ее жизни. Вторым, но отнюдь не менее значимым, стал Сашка.

5

Мысль о том, что надо бы начистить Сашке Сазонову ряшку, пришла Мише Гравитцу в голову как-то сама собой. Пришла, наверное, в тот миг, когда он увидел, с какими счастливыми глазами вернулась эта сладкая парочка из кухни. Где, несомненно, обжималась со всех сторон, как могла.

И не в том было дело, что Мишке нравилась Лиля. Она казалась ему симпатичной – и не больше того. Барби, например, гораздо красивее. Да и Полинка Козлова как-то за лето подозрительно расцвела – наверное, уже женщина. Впрочем, ни до кого из них всерьез Мишке дела не было. Просто ему не нравилось, когда выпендриваются. И Сашка не нравился. Ну не нравился, и все тут. Что с собой поделаешь?

Желание это еще укрепилось после случайного разговора с Маратом.

– Эй, Гравитейшен, – позвал его как-то на перемене охранник, – ты же в одном классе с Сазоновым учишься?

– В одном, – подтвердил Мишка несколько удивленно: раньше Робеспьер никем из класса не интересовался. – А что?

– Так, ничего. Любопытно просто. Станный, думаю, тип этот Сазонов. Ходит как генерал на плацу – типа он тут в натуре самый крутой. Да, в общем, ерунда. У него папаша, кажется, мент. А менты – они все либо прибалтанные, либо ссученные.

И Марат махнул рукой, словно ставя точку: мол, и так все с такими понятно, что уж тут разговаривать.

Они разошлись, но Мишка всерьез задумался о выяснении с Сазоновым отношений.

И вот в один из последних сентябрьских дней, когда неожиданно вновь проглянуло солнце и на короткое время вернулось обманчивое тепло, Гравитейшен заговорил с Саньком на переменке.

– Слушай, Сазон, ты «Бойцовский клуб» смотрел?

– Нет.

– Да ладно! Его все смотрели. Классный фильм. Парни собираются в мужской клуб, типа бороться друг с другом. Без правил. Но бьются только, пока кто-то не скажет: «Стоп!» Значит, проиграл, сдается – бою конец. Понял?

– Ну.

– Ну так вот. Тут, в школе, пацаны решили такой же клуб создать. Бои без правил, но чуть кто скажет: «Стоп, харэ!», все – дальше мочить ни-ни. Ну и мне вот сказали: Сазон у нас самый крутой, если хочешь вступить в клуб – вызови его на драку.

– И зачем мне это надо?

Это был вопрос, которого Миша опасался. Вопрос, на который трудно было придумать вразумительный ответ.

– Да не тормози ты! Сечешь, ребята из разных классов хотят объединиться. Только свои, крепкие парни, никаких сопливых. Разве ты против?

– Да нет, я не против... – равнодушно протянул Санек.

– Но имей в виду, – не отставал Гравитейшен, – у меня за спиной несколько лет занятий боевыми искусствами. Прямой удар адского кулака. Ребром ладони доску перешибаю. – Коротко взмахнув рукой, он показал, как это делает.

Санек будто в полудреме наблюдал за его движениями. В прошлые годы он уже переламывал со всеми стоящими парнями и своего, и параллельного класса. Дрался и с Мишкой, и карате тому тогда слабо помогло. Правда, на ногах устояли оба. И навешали друг другу будь здоров, пока их не разняли.

А теперь – зачем снова драки, снова ходить в синяках? Что за клуб такой? Но раз Мишка хочет схлопотать по ушам, то он свое получит.

– Ну и где? – Этот вопрос уже означал согласие.

– За гаражами, после уроков. Я скажу пацанам, чтобы приходили.

На том и было решено.

«За гаражами» – так называлось самое грязное место во всей округе. Дворники, похоже, никогда не заглядывали сюда и не убирали нагромоздившиеся за долгие годы кучи мусора.

Неизвестно, что именно и кому рассказал Гравитейшен. Во всяком случае, после уроков за гаражами собрались человек десять-двенадцать. Все были настроены миролюбиво, привело их сюда любопытство. Как эти двое верзил станут друг друга мутузить? Совсем ни за что, без повода, без злости и ругани? Такое можно увидеть только в гонконгских фильмах. Зрелище, которое жалко пропустить.

Санек аккуратно повесил сумку на обломанный сучок ближнего ясеня. Он хотел было и куртку повесить на всякий случай, но не успел: Гравитейшен начал свою устрашающе медленную каратешную разминку. В низкой стойке, с широко расставленными ногами, с каменным лицом, подтягивая и вытягивая руки, как осьминог щупальца, сжимая пальцы в странных жестах. Санек стоял против него в свободной позе, слегка согнув руки в локтях, опустив сложенные, расслабленные пока кулаки.

Вдруг Мишка сделал внезапный мах ногой, резко поменял позу и, разрывая дистанцию, кинулся на Саньку. Тот заранее знал, что сделает: подпустит Мишку поближе, да и врежет со всей силы по грудной кости, чтобы сразу выбить дух. А дальше либо добавит в солнечное сплетение, либо просто толкнет – и будьте уверены, тот не удержится на ногах.

Но деньги, выделенные Мишкиными родителями на занятия сына восточными единоборствами, похоже, были потрачены не зря. На короткой дистанции Гравитейшен уклонился влево и влепил Саньку резкий хук по нижним ребрам. Саня качнулся скорее даже от неожиданности, чем от силы удара. И тут же получил скользящий удар снизу под челюсть. Мотнул головой и понял, что проигрывает. И постарался мобилизоваться. Дотянулся правой – попал Мишке по бицепсу. Дотянулся левой – по корпусу. Но без замаха и не сильно. Выставил правой блок, но это уже было бесполезно.

Мишка будто приклеился к Саньку и с короткой дистанции осыпал его серией ударов по ребрам. Саня отступил на шаг для новой атаки, но Гравитейшен только этого и ждал. Он легко скакнул следом за противником и ударил его носком ноги по левому колену. Боль была адская, Санек припал на одну ногу – и тут-то Миха врубил ему полновесный прямой в челюсть. На этом драка закончилась.

* * *

– Николай Александрович Сазонов... Так-так... – Человек за столом окинул его пристальным колющим взглядом.

И Николай вдруг впервые за последнее время осознал, как именно он выглядит: оплывшее лицо с запавшими красноватыми глазами, всклокоченные волосы, мятая одежда... Все свидетельства того, как он провел вчерашний вечер, а перед тем еще неисчислимое количество вечеров.

Сказать, в общем, было нечего, поэтому Николай осторожно, чтобы не поцарапать дорогой паркет, переступил с ноги на ногу и уставился на свои давно не чищенные ботинки.

– Вас рекомендовали мне как хорошо подготовленного бойца и отличного оперативника, способного вести слежку, а главное, умеющего думать головой. Вижу, что рекомендатели ошиблись. Вы свободны.

Мужик за столом – крепкий, с коротко подстриженными, уже начинающими седеть черными волосами, что называется, «соль с перцем» – разводить церемонии не собирался. Один взгляд – и он вынес своему визитеру оценку, а заодно приговор – ступай себе с миром, спивайся дальше сколько душевненьке угодно, нам такие и даром не нужны.

Николай все понял. Он даже послушно развернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы покинуть роскошный кабинет в самом центре Москвы, но потом что-то словно переключилось в его голове. Он снова повернулся к столу.

– Юрий Алексеевич, – проговорил Сазонов прямо в лицо колючему, поймав его недоуменный взгляд, – я вам обещаю, что в трехдневный... ну хорошо, в недельный срок приведу себя в полный порядок. Я буду работать на вас, и вы никогда – слышите, никогда! – не пожалеете, что взяли жалкого пьяницу Николая Сазонова!

Четко очерченная бровь иронически изогнулась.

– Так уж не пожалею?

– Клянусь вам.

Николай слов на ветер не бросал и знал, что этот шанс – самый последний в его жизни. Пока еще, может быть, не поздно, пока еще можно все исправить...

– Ну что же... – Этот жесткий и явно не страдающий сантиментами человек, кажется, отчего-то ему поверил. – Но с алкоголем придется завязать. Совсем.

– Я понимаю, и я готов, – тут же ответил он.

Баринов побарабанил холеными пальцами по матовой поверхности стола.

– А скажите, Николай Александрович, вы готовы пойти на это не только ради высокой, – он усмехнулся, – чести работать на меня. Наверное, у вас есть еще стимулы?

Николай замялся: говорить или нет?.. Хотя, несмотря на запои, в людях он еще, слава богу, разбирался и прекрасно понимал: врать Баринovu не стоит – выставит за дверь в то же мгновение. Тем более на столе, где в строгом порядке были выставлены массивные, наверняка дорогие письменные принадлежности, нашлось место для одного-единственного фото в строгой металлической рамке. Насколько разглядел Николай, на снимке были двое – пухлая девчонка и умопомрачительная красотка в мини-юбке, видимо, жена и дочь...

– Вы правы, Юрий Алексеевич, – произнес он твердо, – я делаю это прежде всего для себя и для своей семьи.

И он почти не удивился, услышав в ответ:

– Жду через неделю. И смотрите, один-единственный промах...

– Промахов не будет, – пообещал Сазонов и вышел из кабинета.

6

Бодяга – это не только разговорное словцо, обозначающее что-то скучное и тяготное. Бодяга – это еще и семейство пресноводных губок, весьма уважаемых многоклеточных. На просторах нашей необъятной родины, в непролазных ее болотах, которых в России предостаточно, бодяга живет повсюду, образуя порой колонии до метра в диаметре. Много чего нам не хватает, но вот бодягой мы обеспечены сполна. И слава богу, потому что с древних времен русские люди знают ее целебные свойства, прикладывают бодягу к синякам и ушибам – а синяков и ушибов у нас никак не меньше, чем болот. Так что живи и размножайся, уважаемая бодяга, ты еще нашим далеким потомкам понадобишься!

В домашней аптечке Ольги бодяга занимала почетное место. Когда Сашка пришел избитый, мать как раз была дома, сидела за швейной машинкой. Увидев Саньку, она первым делом схватила полотенце и замахнулась на сына (она до сих пор иногда вразумляла его полотенцем по заднице). Но тут же поняла, что сегодня Сашка свое уже получил. И с лихвой.

Разумеется, он ничего не сказал дома о бойцовском поединке.

– Шел и шел себе по улице. Привязалась взрослая компания. Пьяные или обколотые... То да се, ну и накомыливали, – таково было его объяснение.

«Так уж взяли и напали?» – недоверчиво покачала головой мать. Санек твердо стоял на своем. Ольга хотела было звонить бывшему мужу – тут уже не до гордости. Но сын ее отговорил: «Да ничего страшного! В три дня все заживет! И без него справимся!» Подумав, она согласилась. И застонала, засуетилась, как птица над птенцом... Что тут поделаешь...

Вдоволь накричавшись, нагрозившись, наплакавшись, Ольга принялась за святое материнское дело: лечить боевые раны сына. Санек наотрез отказался от йода и зеленки, чтобы не ходить в цветных пятнах, и без стона выдержал промывание всех ссадин дешевой водкой. Потом мама приложила бодягу и позвонила бывшей соседке, врачу в районной поликлинике. Та посоветовала холодные компрессы, покой, обильное питье и пообещала зайти вечером, после окончания приема.

Мать уложила сына в постель, задернула шторы. Он тут же затих. Позднее подходила, прикладывала к двери ухо: спит, сопит, постанывает.

В девятом часу прибыла врач. Санька пришлось будить, он не сразу понял, что с ним случилось и как он оказался дома. Женщина рассмотрела его синяки и ссадины, бесцеремонно и больно сдвигая пальцем кожу. Повернула голову к свету, поводила перед глазами чайной ложкой, чтобы проверить реакцию, заставила постоять с закрытыми глазами, вытянув руки вперед.

Потом велела лечь и вышла с мамой на кухню.

– Ну что? – спросила Ольга. Глаза ее были полны слез, готовых пролиться градом.

– Ушибы, гематомы... Как говорится, все на лице. Сотрясения мозга, по-моему, нет. Но в школу не отпускай до конца недели. Не давай читать, смотреть телевизор, к компьютеру даже близко не подпускай. Короче – полный покой. Если появятся головные боли или рвота, головокружение – сразу вызывай участкового врача. Почаще проветривай комнату. И присматривай за ним, чтобы на улицу не выходил – нечего там ему делать.

Проводив врача, Ольга позвонила сменнице, большой охотнице до сельских трудов. Женщины договорились быстро, и у Оли появилась возможность провести с сыном целых пять дней.

Наутро она, поднявшись ни свет ни заря, отправилась по магазинам. Пришла с полными сумками.

– Наркотики принесла? – был первый вопрос сына.

– А как же, все по полной программе, – ответила заботливая мать.

Наркотиками на своем домашнем языке они называли халву и мороженое. Оба были ужасными сластенами, и эти лакомства исчезали у них мгновенно.

Завтрак Саньке подали царский: кефир, бутерброды с колбасой и сыром, пшенная каша, чай с молоком. Трудно даже вспомнить, когда ему столько приходилось есть за утро.

После завтрака он снова заснул. А мать, поставив вариться курицу, тоже прикорнула на диванчике.

Так они и провели весь день, засыпая, просыпаясь, ели, снова засыпали. И весь день ничего не делали: ни Санек уроки, ни мать домашние дела.

Следующий день прошел примерно так же. Часа в три, после уроков, позвонил Белопольский. Звонил он с мобильного, и было слышно, что кто-то рядом задает вопросы. Хотелось узнать, кто... Но в школе стоял такой шум, что не удалось даже разобрать, парень это или девчонка.

Темыч подробно расспрашивал о здоровье, о том, что сказала врач, и когда Санек теперь появится в школе. Было в этих вопросах что-то досадное, раздражающее, неестественное. Обычно мальчишки так здоровьем друг друга не интересуются. Даже мама это заметила, подозрительно прислушивалась к разговору.

И когда Санек повесил наконец трубку, пришла в его побитую голову мысль, что рядом с Темкой могла стоять вовсе не Лиля, как Сашка надеялся, а Мишка Гравитц. И выпрашивал, выведывал все через друга не потому, что беспокоился о здоровье Сазона, переживал за него, а потому, что опасался, не будет ли от этой драки для него негативных последствий. Типа, не подаст ли Сазон на него заявление в полицию. Эта мысль так разозлила Сашку, что захотелось перезвонить и сказать: не бойся и Гравитца своего успокой – стучать не буду, не обучен. Пусть живет спокойно. Пока.

Но, может быть, это просто так, с досады ему показалось.

В тот день они с матерью, откинув подушки-одеяла, залезли на диван с ногами и до самого вечера играли в дурака – подкидного и переводного, в козла, пьяницу, в «Акулину» и опять в дурака. Ольга легко обыгрывала сына. Время от времени она, глянув на его погрустневшую физиономию, спохватывалась и начинала поддаваться, но Санек этого не замечал. В какой-то момент, когда уже совсем стало скучно, Сашка, собрав карты после очередной партии, спросил:

– Мам, а вот скажи, почему у нас в школе не любят таких, как мы?

– Знаешь, сынок, конечно, теперь живут по-разному. – Ольга поправила сыну одеяло и ласково потрепала по волосам. – У кого суп жидкий, у кого жемчуг мелкий. Я что ж, я понимаю, конечно, что в классе тебе порой бывает тяжело, ты для них – беднота голоштанная. А в городке, откуда я приехала, на меня смотрят, как на счастливцу – надо же, в Москве зацепилась, замуж вышла, сына родила... Там – да ты сам у дяди Ромы это видел – все с огорохов кормятся, работы почти нет... А те ребята, что на тебя свысока посматривают, – они кто сами-то? Вон, в России учатся, а не уехали ни в Англию, ни в Америку – выходит, у родителей деньжонок на это не хватило... Бедных, конечно, много. Богатых – гораздо меньше. Очень богатых – еще меньше. А тот, кто самый богатый, – тот, наверное, и самый несчастный. Сидит за семью замками, как Кощей, стережет свои миллиарды, как бы их не растащили...

Ну уж в это Санек не поверил. Но возражать не стал.

– Наша с тобой бедность – трудовая бедность. Пусть мы имеем не так много – зато честно заработанное. И так ли уж мы плохо живем? Квартира есть, телевизор есть, мебель какая-никакая стоит. В доме чистота, порядок. Что поесть, всегда найдется. Ты у меня голый-босый-голодный в школу не бегаешь. А есть бедность – безвылазная. Пальцем тыкать не буду, но в моем родном городке и тут, в Москве, совсем рядом с нами, живут такие люди. В

грязи, в лохмотьях, в такой неприкаянности, что руки опускаются... И почти всегда в этом пьянка виновата.

– Мам, ну мы ж с тобой уже сто раз на эту тему говорили, – вздохнул Сашка. – Ты ж знаешь: я не пью. Капли в рот не беру.

– Знаю, сыночка, но боюсь, ох, как боюсь за тебя... Вот позавчера, перед тем, как ты пришел, я передачу смотрела. Про то, что русских становится все меньше и меньше. Народ просто вымирает. А молодые – те будто нарочно не хотят рожать. Если так дело и дальше пойдет, лет через двести-триста от нашей матушки-России одна память останется – русская водка. А на наших местах будут жить какие-нибудь китайцы или таджики...

– Ладно, мам. – Санек попытался свести разговор к шутке. – Вот женюсь я, обещаю тебе, без внуков не останешься. Да ты и сама еще молодая. Может, заведешь себе друга, поклонника...

Мать невесело усмехнулась, тряхнула головой:

– Поклонника! Сказал тоже! Поклонника! Негде его ставить, этого поклонника! Квартирка тесновата!

Она отшутилась, но едва заметно вздрогнула, услышав это слово. «Поклонник»... И откуда Сашке только в голову это пришло! А что, если лазил за книги и видел записку?... Оля исподтишка взглянула на сына. Задумался. Нет, похоже, не знает.

Помолчали.

– Мама, а помнишь, когда я был маленький, ты мне рассказывала историю про след ангела? – спросил вдруг Сашка. – Вроде бы ты ее от своей бабушки слышала...

Ольга удивилась:

– Что это ты вдруг вспомнил? Да, была такая старая история... Да тебе, наверное, неинтересно будет.

– Ну почему неинтересно? Раз прошу, значит, интересно. Расскажи.

Мать пристально оглядела его, словно хотела определить, достаточно ли Санек взрослый, чтобы выслушать эту старинную историю. И, удостоверившись, что слушают ее внимательно, начала свой рассказ:

– Эту историю рассказывала мне бабушка. Она сама с Поволжья. Был, говорят, там древний монастырь. И в Смутное время прорвался туда отряд поляков. Монастырь деревянный, и сожгли его дотла. А монахов – кого перебили, кого разогнали. Дело было зимой, и никого на погорелье не осталось, кроме одного-единственного монаха, звали его Теофил. Там, где почва от пожара оттаяла, вырыл он себе землянку. Стал жить и, как говорится, богу служить.

К удивлению сына, в речи Ольги появилась северная певучесть, она даже стала слегка окать – явно невольно подражала своей бабке, от которой и слышала этот рассказ.

– Ну давай, не тяни, – поторопил Санек. – Мне и так все ясно. Сидит твой монашек, замерзает, а с небес к нему ангел слетает...

– Так, да не так. Ангел там жил уже давно, с тех самых пор, как обитель воздвигли. Должен был он тот монастырь беречь, но не уберег. И за то был наказан, оставлен на пустом месте рыдать, пока храм заново не построят. Но видит ангел: есть тут один человек. Молится, чего-то там хозяйствует помаленьку. Стал ангел к нему путников направлять, чтобы они ему корки носили, пробивал босыми своими ногами после буранов тропочку до ближнего ключа, где монах брал воду. А тот думал, что это медведь вокруг бродит. Медведь и верно повадился ходить на погорелье. Наверное, проснулся в своей берлоге от пожара, от шума. Но ангел строго его вразумлял, чтобы он монаха не трогал. Теофил видит, что медведь смирный, а есть ему зимой нечего. Он и говорит: «Припас у меня скудный, но если будешь со мной вместе трудиться – стану тебя кормить». Принялись они с медведем место расчищать под новую постройку. Монах в лесу деревья валил, и они с медведем на пару бревна подтаскивали. Ну а

ангел тихонько им помогал. И стал замечать Теофил, что растет новый храм, как говорится, не по дням, а по часам. Понял он, что есть у него незримый помощник, а кто – не ведает. Стал и для него хлеб оставлять – на том месте, где в храме алтарь будет. Оставит сухую корку – глядь, а на следующий день там пышный каравай, будто только из печи.

Ну, вот так они втроем работали, а порой монах и прикрикивал – и на медведя, и на ангела: мол, куда ты задевался, помогай! Со временем стал ангел им зримо являться. Посмотрел на него Теофил, какой он весь из себя тоненький, прозрачный, и говорит: «Ты уж лучше молись за нас, а бревна да камня мы с Мишей будем ворочать». А ангел в ответ показал ему свои руки – узкие, как у девушки, белые, а ладони все в кровавых мозолях. «Ты, – говорит, – ночами спишь, медведь всю зиму спит, а я без сна живу. И днем и ночью молюсь, днем и ночью тружусь». К весне возвели они малую церковку и на Пасху думали ее освятить.

А на Страстной вдруг такая буря разыгралась! И снег, и дождь, и ветер, на озере лед поломался, на берега попер. И большая беда приключилась – загасило непогодой огонь в лампадке, а тот огонь монах хранил еще с пожарища, чистый огонь, священный. Свой, мирской, высечь недолго, но у мирского той силы нет. Вот сидят они, горюют – Светлый праздник на носу, а им не от чего свечечку затеплить.

И говорит Теофил ангелу: «Хоть бы ты куда слетал, огоньку нам принес!» Тот в ответ: «Это дело для меня – не дело. Единым духом слетаю и вернусь». Встал ангел на громадный круглый камень-валун, оттолкнулся от него, расправил крылья, и только его и видели. Но часа не прошло – летит уже обратно. «Я, говорит, был во граде Иерусалиме, взял там небесный огонь, что нисходит на Пасху Православную. Огонь этот святой, и поначалу он даже не жжется».

Достал из-за пазухи свечу горящую, поднес монаху к бороде – огонь бороду обтекает, а не жжет. Возожгли они лампадку, стали богу молиться, Пасху петь, Христа славить. Принес еще ангел из Иерусалима просфорку для монаха. Теофил просфорку съел, а малую крошечку оставил и положил в хлебную закваску. И та закваска с той поры в тех краях из дома в дом передается. Потому там хлеб самый вкусный. А на том громадном камне, с которого ангел в небо взлетел, остался след его босой ступни, глубокий такой отпечаток. И место это стало почитаемым – с той поры и донине.

Ольга замолчала, глянула на сына и виновато улыбнулась – как говорится, за что купила, за то и продаю.

– Ну а дальше? – нетерпеливо спросил Санек.

– Потом монах этот умер, душу его ангел в рай унес. Но тогда уже место то снова заселилось. Жили там и монахи, и миряне, и по сию пору живут. Но вот при советской власти приехали комиссары разорять монастырь. Сделали там лагерь для заключенных. А тот камень решили взорвать, чтобы в народе не было суеверия. Потому что возле камня люди постоянно молились. И свечи там всегда горели. Конечно, комиссарам это было не по нраву.

И вот, когда узнали крестьяне, что камень тот, След ангела, думают взорвать, собрались мужики из ближних деревень, лошадей привели, у кого были, другие сами впряглись. Подсунули колья, поднатужились и стронули камень с места. Покатился он с высокого берега и остановился у самой воды. Там вокруг него других валунов видимо-невидимо. А сам отпечаток ангела скрылся от людей, остался где-то внизу камня, так что хоть кругом обойди, а его не видно. Так и лежит он по сей день – большущий валун среди других валунов. Пойди его найди! Искали, конечно, комиссары, народ расспрашивали, но никто тайну не выдал.

Прошли годы. После войны стали думать, как бы монастырь восстановить. А заодно и камень тот на прежнее место вернуть, чтобы снова был виден людям след ангела. Стали ходить, выпрашивать, а никто уже и не помнит, который это был валун. Старушки-богомолки туда тайком все годы ходили, ставили свечи на берегу озера. Но который точно камень, никто приметить не мог. Пытались ворочать все валуны, технику пригнали, но

вовремя спохватились. Грунт там топкий. Если на том месте порядок нарушить – три камня вывернешь, а четвертый совсем под землю уйдет. Так эту затею и оставили – пока. Но знают люди, что раньше или позже, а будет им дан знак, опознают они тот камень, вернут его на почетное место, чтоб след ангела был на самом верху, как прежде, к небу повернут...

– И что ж – до сих пор не было знака? – Санька и сам удивился, насколько увлекла его эта история.

– А кто ж его знает... – пожала плечами мама. – Может, уже кому-то и был – сколько времени с тех пор прошло, больше полувека. Может, нашли давно тот камень. А может, и не найдут никогда. Наверно, все это только сказка, не больше...

Она потянулась, взглянула на часы и предложила:

– А давай-ка с тобой ужинать да спать. Поздно уже...

В ту ночь Саньке снилась Лиля. Она сидела на огромном валуне и болтала в воде босыми ножками. И хотя вокруг было множество точно таких же камней, Сашка точно знал, что это – тот самый.

* * *

Мобильный прозвонил, едва только Марат закрыл глаза. Миг – и сон исчез. Этот сигнал поднял бы его, даже если бы он был при смерти.

– Слушаю! – отрапортовал он, едва не вытягиваясь в струнку.

– У тебя появился шанс все исправить, – послышался из трубки сухой, словно обезличенный голос. – Помнишь профессора? Ему нужно свежее мясо.

– Я постараюсь, поговорю...

– Меня не интересует, как ты это сделаешь.

И тишина. Отбой.

– Вот черт! – выругался Марат и изо всех сил пнул ногой диван. Тот заскрипел, словно жалуясь на несправедливо причиненную обиду.

Боль в ноге немного привела его в чувство, и он принялся кружить по комнате, словно тигр по клетке.

Несмотря на усталость, сонливость прошла, а внутри образовалась сосущая пустота. Такое ощущение возникало каждый раз после общения с Шефом. Марат немало повидал на своем веку, но этот человек всегда внушал ему ужас.

– Легко сказать – свежее мясо... – бормотал он, делая очередной круг. – А попробуй устрой все так, чтобы комар носа не подточил! Мне сейчас неприятности не нужны...

Однако и спорить с Хозяином было немыслимо.

Марат остановился и задумчиво почесал бровь.

– А у меня ведь есть этот сучонок... Если повести дело тонко, может, и выгорит...

Эта удачная мысль почти вернула ему хорошее настроение. Марат вспомнил о том, как разделал мальчишку его невольный ставленник Гравитейшен, и довольно усмехнулся. Конечно, то был лишь пробный ход – так, ерунда, простенькая разминка, – однако приятно, что все работает по твоему желанию. Он, Марат, по-прежнему царь и бог в своих владениях, здесь надавил, здесь потянул – и все сладилось. Сладится и теперь. Сделает то, что хочет Хозяин. Как пить дать сделает!

Приободрившись, он достал из шкафа початую бутылку коньяку и налил полную рюмку. Жизнь еще повернется к нему лицом. Еще чуть-чуть терпения...

7

За оставшиеся дни они с мамой переделали кучу дел. Вычистили до блеска квартиру, даже окна на зиму вымыли, сходили на рынок и купили резинистых на ощупь капустных кочанов, твердой, покрытой слоем черной грязи моркови, румяных осенних яблок и сочных груш и даже не пожалели денег на лукошко крепеньких белых и подосиновиков, которые продавал разговорчивый старичок. А потом весь день без усталости терли морковь, резали кочаны, квасили капусту, наполнив бачок из нержавейки, который с прошлой зимы хранился на антресолях. Из яблок и груш наварили компотов и варенья, а грибочки засолили и закатали в банки. Будет с чем Новый год встретить!

После трудов праведных оба почти без сил опустились на диван.

– Больше никаких консервов! – заявил Сашка.

– Да уж! – Ольга устало улыбнулась. – На наш век хватит... Тем более мы с тобой вдвоем остались, нам много и не надо.

Ну вот. Кто о чем, а она об отце. Сашку аж зло брало. А с другой стороны, хотел бы он, чтобы Лиля любила его так, как мама любит папу. Несмотря на то что весь последний год тот вел себя как свинья. Несмотря на то что он их бросил.

Вот и сейчас она устала себе под ноги, на узоры старенького ковра, будто он представляет собой бог весть какой шедевр.

– Мам, а можно посмотреть твои рисунки? – спросил Сашка скорее для того, чтобы ее отвлечь.

– Что? – Оля вздрогнула, и Сашке вновь стало страшно – такой хрупкой она была, такой незащищенной. – Ах да, рисунки...

Она встала, подошла к шкафу и вытащила оттуда пухлую, потрепанную и засаленную папку.

– Вот. – Она бережно положила сокровище на колени сыну.

Он развязал тесемки.

Всякий раз, когда Санька смотрел мамины рисунки, его охватывал трепет. Нет, он вовсе не отличался какой-то особой чувствительностью, но то, что мама – его собственная обычная, домашняя мама – могла так рисовать, его удивляло.

Новых рисунков в папке не прибавлялось лет десять, а то и больше. Санек, например, ни разу не видел, чтобы Ольга взялась за карандаш. Да и трудно уже представить в ее руках карандаш – скорее половую тряпку, мясорубку, даже выбивалку для ковров, которой она по старинке пользовалась до сих пор.

Сашка открыл папку, а Ольга села рядом, на самый краешек дивана.

Вот первый, старый-старый набросок – из тех, с которым она приехала в Суриковку: небольшой чуть скособоченный дом, скамейка в зарослях сирени... Все это – словно кусочек настоящей жизни, простой, непритязательной и вместе с тем заманчивой, живой. Кажется, вот-вот качнется тяжелая ветка, а если принюхаешься, уловишь пьяняще-сладкий аромат цветов.

Бабушкин дом...

– Мы на этой скамейке с подружкой сидеть любили... – Ольга задумчиво улыбнулась, вспоминая о чем-то хорошем. – Каждый вечер нас домой загоняют, а мы сидим, никак наболтаться не можем... А еще хорошо было, когда светлячков ловили. Они такие крупные... В Москве светлячков нет.

Сашка кивнул. Действительно, нет. Он никогда не видел. И зверей никаких. Белки в лесопарках и то куда-то подевались. Другое дело в глуши.

А вот и портрет той самой подружки. У нее было некрасивое лицо с крупным носом картошкой и две смешные, закрученные баранками косицы.

— Анька вышла замуж и уехала в Екатеринбург. Вот нас жизнь-то как разбросала, — вздохнула Ольга. — Мы с ней давно не общаемся. А знаешь, раньше думали, что умрем, если не будем видеться. И не сомневались, что писать друг другу будем всю жизнь... Интересно, как Аня сейчас... Какой стала...

Санька посмотрел на рисунок. Трудно представить, что эта девчонка уже давно взрослая. Наверняка и дети есть... А вот гляди же, на бумаге она такая же, как много лет назад. Вот она, тайна бессмертия...

— Мам, а почему ты больше не рисуешь? — вдруг решился спросить он.

Ольга смутилась, затеребила юбку покрасневшими от домашней работы руками.

— Да куда уж мне рисовать! — отмахнулась она. — Баловство все это. Не до того было. Сначала думала, что в Суриковку поступлю... А потом ты родился. И закрутилось, закрутилось... Коля немного зарабатывал. У них в милиции кто на руку нечист — все что хочешь имеет, а честным тяжело. Честным вообще везде тяжело, — добавила она со вздохом.

— И все-таки зря, — буркнул Сашка, не зная, как относиться к тому, что, оказывается, из-за него мама свой талант загубила. — Вот окончу школу, пойду работать, а ты из своего магазина уходи. Нечего там тебе делать.

— Ох ты, командир! — Ольга засмеялась. — Отец твой, бывало, тоже все говорил: уходи из своего магазина, что, я нас не прокормлю?! А теперь, сынок, и поздно. Без дела мне вроде сидеть неловко и скучно, а художника из меня уже не получится. Это учиться надо. У меня и руки уже не те, — и она обреченно покачала головой.

Сашка опять не знал, что и ответить, а поэтому вновь перелистнул подборку.

Со следующего листа на него глянул молодой мужчина. Пожалуй, красивый, но какой-то мрачный, с тяжелой линией подбородка и крупными, словно не умеющими улыбаться губами.

— А, это дядя Володя... — произнес Санек почему-то шепотом. — Я его узнал.

Ольга кивнула. Портрет действительно вышел удачным, но Володя не взял его, а неожиданно попросил, чтобы Оля подарила ему свой портрет. Она еще тогда ужасно смутилась и отшутилась как-то неуклюже. И потом ей почему-то было отчаянно стыдно каждый раз, когда она видела Колиного друга детства.

Картинка сложилась не сразу, скорее, собралась как пазл — фрагментами. Вот Володя сидит напротив и смотрит на нее тяжелым немигающим взглядом. Вот старается подать пальто. Поет, подыгрывая на гитаре, что-то томительного-страстное... Вот он до ужаса пьяный в день их с Колей свадьбы...

И этот портрет стал последней каплей, после которой Оленька поняла: признавайся себе в этом или нет, но Колин лучший друг в нее влюблен. Это открытие показалось ей настолько чудовищным, что Оля почувствовала себя едва ли не его соучастницей. «Не хочу об этом ничего знать. И не хочу, чтобы Коля узнал», — решила она, но неизменно терялась в присутствии Владимира, удивлялась, как это муж ничего не замечает — ни ее растерянности, ни его горящего мрачного взгляда... А ведь бог частенько насылает слепоту: того и не видишь, что под самым носом делается.

Она бы, наверное, и открыла Коле глаза на чувства его друга, но как раз в это время Володя впервые притащил к ним девушку. Хорошенькую, рыжую, с узеньким личиком. Она ловко устраивалась у Владимира на коленях, много смеялась, подпевала, когда ее спутник брался за гитару, и вообще, похоже, чувствовала себя в новой компании как рыба в воде.

Оленьке рыжая понравилась тем, что напоминала чем-то бывшую сменщицу, Оксану, которая к этому времени переехала на другой конец Москвы и так погрязла в бурной личной жизни, что времени на встречи с подругой не находилось.

– Вот и у Володьки наконец девушка появилась, – сказал Николай, когда они с женой остались вдвоем после очередной вечеринки.

Оля уже уложила маленького Сашеньку спать и теперь мыла посуду. Николай принимал у нее тарелки, вытирая жестким кухонным полотенцем.

– Знаешь, мне кажется, что ты Володьку не любишь.

Напряженный голос Коли ударил в спину, как нож. Ей захотелось засмеяться. И заплакать. Муж упрекает в том, что она не любит другого мужчину! Ну не это ли предел идиотизму?!

– Да, Володя открывается не перед всеми. Но он – самый лучший человек, понимаешь? Он во много раз лучше меня... – Заскрипел стул, и Оля, хотя не оборачивалась, поняла, что муж сел в своей любимой позе, уперев локти в стол. – Я по малолетству едва в историю не попал. Помнишь, я тебе рассказывал?... А Володька... он меня вытащил. Понимаешь? Он меня в школу милиции привел. И с тобой мы тоже познакомились только благодаря ему.

Хорошо, что громко льется вода и можно не отвечать... Оленька и не знала, что ответить.

* * *

В понедельник, вконец одурев от сидения дома, Санек отправился в школу. Утром Ольга придирчиво осмотрела его физиономию и признала состояние в целом как удовлетворительное. Опухшая губа почти пришла в норму – можно было подумать, что там просто лихорадка. Синяк на скуле тоже был малозаметен. Картину портил только громадный темный подтек вокруг левого глаза, он почти не потерял своего цвета.

Темыча Санек предупредил эсэмэской, и тот подждал приятеля на их обычном месте.

– Ну как? – спросил друга Саня, повернув к нему левую сторону лица.

– Ничего, сойдет, – уклончиво ответил приятель.

– Что в школе без меня было?

– Да ничего не было! Что там может быть? Стоит как стояла.

Они зашли в класс.

– Вот и наш герой. Все в порядке, – объявил Белопольский, вроде ни к кому не адресуясь.

– Ну и слава богу. А некоторые так волновались... – послышался в тишине насмешливый Лилин голос.

Сашка удивленно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Мишку Гравитца. Тот кивнул куда-то в сторону. Там сидела новенькая, Санька даже позабыл о ее существовании... Вроде Вера Баринава... Полная, неуклюжая девушка. Кажется, она вечно что-то роняла. Вот и сейчас Вера вдруг побледнела так, что отчетливо выступили все голубые жилки, уронила свою сумку и бросилась из класса.

– Не понял. Я что-то пропустил? – Он снова взглянул на друга.

– Ну... – Темыч замаялся.

– Да влюблена она в тебя! – жестко произнесла Лиля, а Коза ткнула ее локтем в бок.

Появление Снежной Королевы помешало дальнейшим разборкам, но Сашка чувствовал себя потрясенным. Неужели новенькая действительно на него запала? Но она же некрасивая? Или красивая, просто немного полная?... И зачем Лиля рассказала ему об этом? Неужели она... неужели и вправду ревнует?

Вера Баринава вернулась в класс минут через десять после начала урока с подозрительно красными глазами. Смирно потупив голову, вытерпела отчитывания Снежной Королевы, попросила прощения и села на место.

«Рохля какая-то», – решил Сашка.

Он едва дождался перемены, чтобы как можно небрежнее подойти к парте, за которой сидели Варламова и Козлова, и сказать:

– Не волнуйтесь, девочки, новенькая не в моем вкусе!

Он так бы и ушел, чувствуя себя победителем, если бы не наткнулся на взгляд Веры. Она сидела неподалеку и, похоже, все прекрасно слышала, а теперь смотрела на Сазонова так, словно он только что совершил настоящее предательство.

«Глупости какие! Ничегошеньки я ей не должен!» – подумал Сашка, но на душе все же стало как-то... мерзко, а чувство победы рассеялось как дым.

В школьных коридорах бурлила обычная жизнь. Все уже знали, что на той неделе Гравитц побил Сазонова. Ребята из других классов подходили, бросали оценивающий взгляд на Санькин синяк. Некоторые, из числа свидетелей схватки, пожали руку, спросили, как дела.

– Нормалек! – бодро отвечал Саня.

Честно признаться, в школу он шел не без внутреннего трепета. Да что там говорить – просто-таки со страхом шел. Но боялся не Гравитца, не насмешек ребят над ним, проигравшим драку, не разборок с учителями. Боялся, что Лирино отношение к нему, и так совершенно непонятное и непредсказуемое, ухудшится. Вдруг и сегодняшний случай с этой Бариновой – свидетельство не Лилькиной ревности, а просто насмешка. Может быть, ей приятно посмеяться над ним – мало того что побитым, так еще и предметом интереса толстушки.

Эти мысли погасили возникшее было чувство вины перед Верой, не дав этой искре разгореться в пламя. И когда Баринова, кажется, сославшись на нездоровье, ушла домой прямо посреди учебного дня, Санька почувствовал облегчение. Хорошо бы она и вовсе не появлялась в школе. У него и так проблем выше крыши.

На большой перемене к нему подошел Гравитейшен.

– Ну что, не обижаешься на меня? Мир? – спросил он, протягивая руку, как будто только сейчас нашел время для беседы.

– За что тут обижаться, – ответил Сашка, отвечая на рукопожатие. – Я смотрю, жизнь здесь бьет ключом.

– Ага! – Гравитейшен гоготнул и отвесил бородатую шутку: – И всё по голове... Кстати, ты молодец, что не заложил меня директору. Спасибо. А мне тут как раз про таких реальных пацанов рассказывали...

– Опять «бойцовский клуб»? – Сашка подпирал спиной стенку, косясь на Варламову, которая стояла у окна рядом с Козой. Кажется, девчонки ссорились.

– Да нет, другое. Качалка хорошая. Хочешь адрес дам?

Сашка пожал плечами:

– Бабла все равно нет.

– А оно бесплатно! – широко улыбнулся Гравитейшен.

Сазонов взглянул на одноклассника с подозрением.

– Как это бесплатно? – усомнился он.

– Совершенно. – Мишка даже руками развел в подтверждение своих слов. – Это мне по знакомству подкинули, но мне, сам знаешь, без надобности – у меня своя песня. А вот тебе, думаю, как раз пригодится.

– Ну это для тебя, может, бесплатно, – протянул Сашка, чувствуя некоторое разочарование, – меня там, можно подумать, ждут.

– А вот и ждут. Сам загляни, скажешь, что от Марата.

– От Робеспьера? – удивился Санек.

– Ага. Он нормальный мужик. Мы, можно сказать, подружились.

Сашка пожал плечами. От Робеспьера так от Робеспьера, чего особенного. Тем более что сейчас его занимало совсем другое.

– Давай адрес – может, когда-нибудь смогаюсь, – нарочито безразлично сказал Саня. Тем более что в данный момент ему просто хотелось последовать за Лилей.

– Сходи-сходи. Я тебе предлагаю только потому, что ты, в общем, пацан правильный, – хмыкнул Мишка. И вдруг добавил: – Да иди, иди уж за своей Варламовой. Между прочим, пока ты болел, не одна Кадушка вздыхала!..

Санек хотел было переспросить, что за Кадушка, а потом и сам догадался, что это кликуха Бариновой, а еще понял, что Гравитейшен намекал на Лилю... И все, связанное с Кадушкой, стало ему окончательно безразлично.

* * *

Есть такое выражение «сбитые летчики», обычно им пользуются творческие люди и женщины зрелых лет. И те и другие имеют в виду неудачников. «Вот, опять она за свое: подбирает очередного сбитого летчика», – небрежно говорят дамы о какой-нибудь из своих подружек. И такие слова означают, что подружка эта связалась с совершенно недостойным ее человеком, очень часто безработным и еще чаще пьяницей. Все осуждают – а героиня истории все равно поступает по-своему, следуя этакому материнскому инстинкту, жажде поддерживать, бескорыстно помогать тому, кто упал и не может подняться.

Женщинам известно, что из таких ситуаций редко выходит что-нибудь путное. Известно это и тем из них, кто не раз и не два на своем жизненном пути подбирал сбитых летчиков. Ну и что? Это ведь как детишки подбирают бездомных собачек и кошечек. Знают, что родители не позволят оставить – но как же не притащить такое глазастенькое чудо?

А может, они и правы, эти женщины? Если бы не они, то как бы поднимались тогда сбитые с ног жизнью мужчины? И если есть шанс, пусть один на тысячу, то почему бы его не использовать?

Конечно, Лиля Варламова ни о чем подобном не думала. Но вдруг испытала именно такое чувство болезненного нежного сострадания, совсем, надо сказать, взрослое женское чувство, когда увидела подбитое лицо Санька.

Тут-то ей вспомнилось, что за время, прошедшее после их поцелуев (правильнее сказать – ее поцелуев) на кухне, она ни разу не поговорила с Сашкой наедине. А как ему этого хотелось – просто забавно было смотреть! А ведь, может быть, он пострадал из-за нее... В школе, конечно, уже всем стало известно, что синяки Сазону наставил Мишка Гравитц. Но почему, за что – никто толком не знал. Особенно девчонки. Должно быть, Мишка к ней неравнодушен...

Отдельную пищу для размышлений предоставила ей новенькая. Вера Баринова, тут же прозванная Кадушкой, со всей очевидностью сразу же запала на Сазона. Расспрашивала о нем и даже – она, тихоня! – наорала на Гравитейшена. И все из-за Сашки! Сердце Лили таяло, как сосулька в солнечный мартовский день, а пусть даже эфемерное, но соперничество подстегивало чувства.

Сегодня Варламова сделала сразу два важных шага: во-первых, посмеялась над «соперницей», унизив ее в глазах Сашки, а во-вторых...

Во-вторых, после окончания уроков дождалась Сазонова на крыльце.

– Ты на меня не обиделся? – спросила Лиля, не догадываясь, что почти дословно повторяет Гравитейшена.

Сашка покачал головой, чувствуя, как губы сами собой расползаются в довольной улыбке.

– Ну и хорошо. А Козлова, представляешь, отчитала меня, как девочку! – Лиля искоса посмотрела на Сазонова.

– Глупая твоя Коза, – ответил он, чувствуя, что сам поглупел от счастья. – Можно, я твою сумку понесу?..

Лиля протянула сумку, и Сашка повесил ее себе на плечо, радуясь, что они с Варламовой вот так стоят друг против друга... Совсем близко...

– Пойдем? Проводишь? – Лиля сделала вид, будто не замечает его смущения.

Они вышли из школьных ворот, по улице шли плечом к плечу. И молчали. «Надо бы завести какой-то разговор», – судорожно думала Лиля. Однако подходящих тем что-то не находилось.

– Я тут знаешь как прокололась? Смех, да и только, – начала Варламова. – Знаешь такую поэтессу – Марину Цветаеву?

– Слышал, – неопределенно отвечал Санек.

– Так вот, в прошлую субботу поехала в гости к маминей двоюродной сестре, моей, значит, двоюродной тетке. Они, в отличие от нас, уже давно в Москве живут. Тетина бабушка, получается, моя прабабушка, болеет, скучает и все время требует, чтоб приходили гости. Все московские родные-знакомые у нее перебывали. Вот пришел и мой черед.

Приехала я. Прабабка к моему приходу встала с постели, расчесала свои лохмы, достала банки с позапрошлогодним вареньем. Я пришла, она стала задавать всякие вопросы глупые: как учусь, с кем встречаюсь и все такое. Еле-еле отсидела я у них два часа, стала собираться домой. Прабабка велела отвезти маме пять банок своего варенья. Дали мне новенькую клетчатую сумочку с блестящим таким замочком. И тут я заметила у них в книжном шкафу том Цветаевой. А мне в дороге как раз заняться нечем. «Можно возьму почитать?» – спрашиваю. Отвечают: «Бери». Я взяла, положила в сумку. А ехать от них к нам удобнее на электричке. Вошла я в вагон, достала Цветаеву, а сумку положила на багажную полку над окном. Открыла книгу наугад, стала читать. Читала-читала – и зачиталась: смотрю, станция Каланчевская. А я понятия даже не имею, где это... Закрыла книгу, прижала к груди и бегом из вагона. Сошла уже с платформы, тут только опомнилась: а где же сумка? Так она и уехала. Представляешь себе?

– Что, очень стихи хорошие?

– Не то слово!

– О любви, наверное? – вежливо спросил он.

– Ну, и о любви тоже... Но скорее о жизни. Знаешь, у Цветаевой такая интересная судьба! Она была профессорской дочкой, из хорошей семьи, как тогда говорили... И ей было совсем немного лет – может, шестнадцать, – когда она стала писать цикл стихов «Бессонница». Ты не бойся, я наизусть читать не стану. Хотя и могла бы, если бы ты согласился послушать... Так вот. Пишет она о том, как ночью выходит из дому и бродит по Москве. Я тебе одну-единственную строчку скажу. Я прочла – и будто захлебнулась: «Ночного листика во рту вкус...» А? Как тебе?

Он пожал плечами, не уловив в этих словах ничего особенного. Сашка вообще поэзии не любил, не понимал ее прелести.

Но Лилю, похоже, даже не интересовало его мнение, так она была увлечена:

– Нет, ты представь себе! И я, и ты наверняка, и все, когда маленькими были, жевали листья. Все дети так делают! Но, разумеется, подрастают и забывают об этом. А тут она идет ночью по улице одна, срывает листик и медленно, задумчиво его жует. Наверное, после дождя. И чувствует его вкус. Ну скажи, ты можешь себе представить этот вкус?

– Ну, могу, наверное, – гудел в ответ Санек.

– А ты можешь представить себе такую картину: вот по улицам города, глубокой ночью, идет одна-одинешенька гимназистка, совсем девчонка, профессорская дочка... Идет, поглядывает в окна:

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может, пьют вино.
Может, так сидят...

Представляешь? Светятся окна, горят по улице редкие фонари – уж конечно, не такие яркие, как сейчас. И она идет, жует себе листик, о чем-то думает... Скажи, может такое быть в наши дни?

– Ну, со мною ты могла бы где угодно ходить хоть всю ночь, – самонадеянно сказал Санек, поглядывая на Лилю с высоты своего роста.

– Во-первых, меня с тобой родители никуда непустят. А во-вторых, Марине даже такой провожатый был не нужен. Шла себе и шла, ничего не боялась.

– Четырнадцать, – сказал вдруг Санек, поняв, что пора прекращать поток восторженных речей.

– Что? – переспросила Лиля. Она, кажется, глубоко задумалась, и голос Сани пробудил ее к действительности.

– Четырнадцать секунд прошло. Пора тебя поцеловать, – произнес он каким-то не своим, зажатым, невыразительным голосом. И решительно сгреб ее в охапку – именно так, как мечтал об этом каждую ночь...

– Ну ладно, хватит, а то у меня губы болят, – сказала она наконец. Чуть оттолкнула его от себя, заглянула в лицо. Что-то новое увиделось ей во взгляде Санька. Женским чутьем догадалась: теперь он смотрит на нее как на свою... Добычу? Подругу, собственность, девушку? Во всяком случае, теперь она, Лиля, принадлежит не только своим родителям, дальней родне в Саратове и Москве, но и, пусть небольшой частичкой, вот этому высокому светлоглазому мальчишке с угрюмым лицом.

Лиля глубоко вздохнула, повернулась, чтобы идти дальше. Саня положил руку ей на плечо. Дрожащую руку, еще не знающую: а можно ли? Но после поцелуев до боли в губах, до звона в голове Лиля уже не решилась эту руку отстранить. Так они и пошли в обнимку почти до самого ее дома, где Лилька, опомнившись, осторожно сняла со своего плеча Санькину руку.

8

Он знал, что будет тяжело. Отвыкшее от упражнений тело болело так, что проще лечь на пол и забыться, но он не мог позволить себе такой роскоши.

За окном серело небо и моросил монотонный, ввергающий в депрессию дождь. Раньше в такие дни Николай позволял себе особенно много. Выпьешь – и вроде легче, вроде не думаешь ни о чем. Хорошо быть пьяным – тогда весь мир видится сквозь мутное стекло. Словно сидишь в раскачивающемся поезде и смотришь, как на проплывающей мимо станции люди играют в свои странные игры. А тебе и вовсе нет до этого дела.

Черт, до чего же хочется выпить!

Впрочем, Николай знал и другое средство справиться с хандрой. Именно к нему он сейчас и обратился. Средство не слишком гуманное, зато действенное: спортивный костюм и бег вокруг дома прямо под дождем, до полного изнеможения.

Он обещал Баринову, что справится, и он справится.

Николай Сазонов вышел из дома, размялся и, выдерживая темп, не слишком торопясь, побежал. Так, как учил когда-то тренер. Забавно, они с Володькой называли тогда Сергея Петровича Зверем, однако даже теперь, спустя годы, вспоминают учителя добрым словом. И сейчас, равномерно шлепая подошвами новых кроссовок по мокрому асфальту, можно представить, что тебе снова тринадцать, и рядом бежит верный Володька, вместе с которым можно идти даже на распоясавшихся взрослых пацанов, вместе с которым ты сила. «Кто всех сильнее и быстрее? Мы!»

Как всегда, мысль о Володе пробудила в душе неизменное чувство вины. Если бы не он, Коля, товарищ был бы жив. Но сейчас, как ни странно, эта мысль не выбила из колеи, не заставила погрузиться в пьяный бред, а напротив – побудила к действию. «Я должен тебе, Володька, – думал Николай, очерчивая первый круг. – И, клянусь тебе, я буду достоин нашей с тобой юности. Я буду жить за тебя. За нас двоих».

Несмотря на то что оба были одного возраста, Коля всегда ощущал себя скорее младшим братом, признавая первенство Володи и в уме, и в силе... Дружба Володьки и любовь Оли – это все, чем дорожил Сазонов. И всегда считал себя настоящим счастливчиком.

А еще он был обязан Володе жизнью.

Все случилось в самом начале девяностых. Тогда Коля, еще девятнадцатилетний пацан, как и многие уставший от безденежья и бесперспективности, решил стать хозяином собственной судьбы – иначе говоря, свободным коммерсантом. Он как раз вернулся из армии, где познакомился с хорошими ребятами, один из которых и помог открыть собственное дело – отец парня имел какое-то отношение к таможне, и от него изредка поступали на реализацию партии дефицитной продукции: импортные женские колготки, необыкновенная лапша быстрого приготовления «Доширак», презервативы, привозимые из Польши духи, косметика и условно импортные сигареты. На всю эту роскошь был большой спрос, и ребята не сомневались, что раскрутятся быстро и без особого риска.

Конечно, Коля предложил долю в новом деле и Володьке, но друг отказался: он как раз собирался идти в школу милиции, да и Володькин отец, бывший партийный функционер, нашел для себя какую-то нишу и держал семейный бюджет, не позволяя невзгодам подняться выше ватерлинии.

В общем, дело Коля начал со своими новыми знакомыми. Открыли палатку, потом вторую, все шло довольно неплохо. До тех пор, пока на новоявленных бизнесменов не наехали.

Николай уже навешивал замок на один из ларьков, когда рядом послышался истошный визг шин. Большая черная машина, едва не снеся их хрупкое сооружение, застыла буквально в двух шагах от него.

Дверца открылась, из нее показались ноги. Огромные ноги в ярко-желтых носках, выглядывающих из-под коротких летних брюк.

Следом за ногами появился их обладатель – громила, кажется, только что сбежавший из фильма про американскую мафию, где герои общаются гнусавым голосом переводчика: «Я пришел са твоими теньками, Билл!» – «О, нэ упивай меня, пошалуста, нэ упивай!»

– Ты тут, в натуре, хозяин? – спросил обладатель желтых носков, хмуро разглядывая Николая.

– Ну я.

Сазонов понимал, что, скорее всего, предстоит драка, и напрягся. Встав спиной к двери, он прикидывал свои шансы. Выходило примерно 1:2. Не в его пользу.

– Мы тебе счет тут на днях присылали. Помнишь? – поинтересовался бугай, ковыряя во рту зубочисткой.

Николай помнил. В бумажке предлагаемые услуги назывались «охраной» и сопровождались многозначительной цифрой, никак не вписывающейся в оборот их маленькой фирмы. Если учесть, сколько они отстегивают поставщику, прибавить транспорт, аренду...

– Ну что, спортсмен, платить будешь? – поинтересовался «охранник».

Сказанное походя «спортсмен» неприятно кольнуло в сердце – выходит, собирали информацию, знают, с кем имеют дело. Сазонов молчал, глядя на синюшную татуировку на бицепсе неожиданного визитера. Там значилось имя Маня, пятиконечная звезда и, кажется, какая-то дата, скрывающаяся под рукавом белой футболки, украшенной на груди смешной мультяшной собачьей мордой. Эта татуировка и футболка, натянутая, как на барабане, на мощном теле громилы, гармонировали примерно так же, как детский лепет и отборный мат.

– Ну что, спортсмен, спрашиваю, платить будешь? – повторил гость. – Не заплатишь – мы тебя, в натуре, на счетчик поставим. За каждый день этой... просрочки, ну, когда вовремя деньги не отдал, платить будешь. Понял?

– А если «нет»?

– Ты, пацан, слышь, про «нет» забудь. Либо бабло, либо неприятности. И это... – Визитер нахмурился, вспоминая что-то важное. – Да, отсчет пошел.

Этого оказалось уже слишком для Колиного терпения.

– Ничего я платить не буду! Понял, шакал! – выплюнул он прямо в тупую квадратную морду. – И шефу своему передай: обойдетесь! А хочешь бабла – иди на стройку, кирпичи поворачай! Тебе полезно будет!

При этом Сазонов в глубине души и сам догадывался в абсолютной бесполезности, а то и опасности своего выступления, но не спускать же этому хамоватому придурку, которого, кажется, только вчера выпустили из мест *не столь отдаленных*. Он все ждал, когда же начнется хорошая драка, но визитер только криво усмехнулся и скрылся в недрах машины, буркнув напоследок, что, конечно бы, начистил зарвавшегося хмырю шею, да не положено. Автомобиль хищно заурчал и рванул с места, словно водитель не знал о существовании первой скорости и стартовал как минимум с третьей.

А ночью лоток сгорел. Подчистую, со всем товаром. Подписи устроившего пожар, разумеется, не было, но она и не требовалась.

Николай позвонил товарищам, с которыми начинал дело.

– На тебя наехали, сам и расхлебывай. У нас своих проблем выше крыши, – заявил один. – И, кстати, папашке все равно, сгорел товар или не сгорел, но деньги он получить хочет. Понимает, что у тебя сложные обстоятельства, и не торопит. Неделью-две вполне подождет. Сечешь?

– Секу, – буркнул Сазонов и отключился.

Второй приятель даже не стал слушать.

– Извини, Колян, у самого такие же проблемы. Разбирайся как-нибудь сам.

На душе было так противно, словно кошки нагадили. Тогда Коля впервые чуть не запил. Вывел его из этого состояния Володька, заставший как-то друга пьяным. Он отвел его в ванну и сунул под холодный душ, а потом долго сидел на кухне, курил сигарету за сигаретой и слушал сбивчивый рассказ, иногда кивая в такт каким-то собственным мыслям.

– Не дрейфь, Колян, прорвемся! – заявил Володя, когда рассказ был закончен. – Не впадай в панику. Знаешь же, кто всех сильнее и всех быстрее?..

– Мы... – хмуро отозвался Сазонов.

– Что так вяло? Бодрее! Решим мы твои проблемы! – пообещал друг.

Пообещал и сделал. По его настоянию Николай забил стрелку с вымогателями, хотя еще опасался неблагоприятного исхода мероприятия.

Володька явился туда с целой компанией таких же высоких и бритоголовых ребят, как те бандюки, что наехали на скромный Колькин бизнес. Ребята явно горели желанием подраться и, оказавшись в большинстве, быстро намяли бока своим соперникам, и те предпочли живыми, хотя и не вполне здоровыми, убраться с места побоища.

– Вот и все уладили! – хлопнул Колю по плечу друг.

– Но как же эти... ну те, которых ты привел... – Сазонов, конечно, радовался благополучному исходу, но уж очень удивительными оказались знакомства серьезного и ранее не замеченного ни в чем подобном Владимира.

– А, ты об этих... – Друг присел на детскую скамеечку и с наслаждением закурил, подставляя лицо ветру. – Сейчас важно иметь связи во всех слоях населения. Как говорит мой батя, нужно уметь разговаривать с народом. Иногда это очень полезно. Например, сегодня! – И он хохотнул.

– Но... – Коля стоял напротив, так и не решаясь сесть, и морщил лоб, стараясь понять нечто для себя очень важное. – Но они же тоже... такие же...

– Вот и хорошо! – Владимир зло сплюнул. – Это ведь клево, когда зло бьет зло! Идеал добра, понимаешь? Вот пусть и дерутся! Нам же спокойнее будет! Мы с тобой, между прочим, сегодня такую кашу заварили – не скоро еще расхлебают. Вашим теперь не до тебя будет. И вот что, думаю, мы молодцы!

Как выяснилось чуть позже, каша заварилась и впрямь крутая. Развязанная война между двумя враждующими группировками, судя по смутным, порой доносящимся до Николая Сазонова свидетельствам, продолжалась еще несколько лет и не всегда обходилась без жертв. Но все это теперь уже не касалось его, потому что с бизнесом Коля завязал раз и навсегда, а сам, по стопам друга, пошел в школу милиции...

Отучился, стал работать, и одним из вечеров, когда Володя (и опять ведь без него не обошлось!) чуть не силой затащил его в диско-клуб, встретил свою, как он теперь точно знал, единственную любовь... Оленьку... Олю...

Николай Сазонов остановился, с трудом переводя дух. Он уже не считал, сколько было пройдено кругов. Кажется, достаточно, да и спортивный костюм уже мокрый, хоть выжимай. Значит – домой и под горячий душ. Болеть сейчас ни в коем случае нельзя. Баринов ждет, и он не даст второго шанса.

– Я не подведу, – шепнул Николай, взглядываясь в пелену дождя – туда, где, как ему казалось, совсем недавно скрылся бежавший рядом друг...

* * *

Санек шел по улице, низко надвинув капюшон куртки. С утра, то немного затихая, то снова усиливаясь, моросил противный октябрьский дождь. Сазонов только что проводил домой помирившихся подружек – Лилу и Козу. Еще вчера они были в ссоре, но сегодня, гляди, уже помирились и снова прилепились друг к дружке так, что и водой не разлить.

Они даже шли из школы под одним зонтиком, а Сашка брел рядом, развлекая барышень светским разговором и думая про себя, что с гораздо большим удовольствием провожал бы одну Лильку.

Правда, за все страдания его вознаградил короткий поцелуй в подъезде, и теперь Санек ощущал, будто у него выросли крылья. Идти домой совершенно не хотелось – уж лучше бродить по залитым водой улицам и вспоминать ее губы, ее глаза, волосы, касающиеся его щеки... Все это представлялось Сашке так живо, что сердце снова начинало колотиться как бешеное, грозя вот-вот выскочить из груди.

– Здоров, Сазон! – вывел его из приятной задумчивости голос.

Навстречу шел Кисель, старый приятель, которого в свое время исключили из их школы.

– И тебе не болеть, Кисель!

– А я тебя с двумя телками видел. С Варламовой и этой, забыл, как ее?

– Полина Козлова.

– Точно. Во, блин, расцвели розанчики! Чего, с обеими сразу замутил?

– Типа того, – небрежно бросил Санек. А что еще он мог ответить? Кисель заржал, но в этом грубом смехе ощущались и зависть, и уважение.

– Слушай, Сазон. – Санек увидел, что Кисель внимательно рассматривает его лицо. – Тут трендят, что тебя Гравитейшен разделал как котлету.

– Ну, я ему тоже вломил...

Этих слов бывший кореш будто и не услышал.

– Так вот что я скажу. Тебя пацаны, – он сделал многозначительную паузу, – уважают. Ты, Сазон, не думай, что кто-то трендит: мол, у него батя в полиции. Пацаны знают, что батя твой от вас слинял, а ты пацан правильный. И тебя уважают, в натуре. Придешь на тусу – к любому подойди, скажи: «Я – Сазон, Киселя дружок». Тебе каждый руку пожмет. Я не я буду, пожмет. Ты меня понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.